

НИЕННА БЛАГОСЛОВЛЕННАЯ СМЕРТЬЮ

НАТАЛЬЯ РУСИНОВА

Наталья Борисовна Русинова Ниенна. Благословленная Смертью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68906841

SelfPub; 2023

Аннотация

Юная Ниенна Антарская бежит от нежеланного брака в академию Боевых, Целительских и Особых искусств столичного града Ахенбурга. Но в боевики худосочную девушку не примут, в целители самой не хочется. Остается один вариант – стать некромансеркой, служительницей Милосердной Смерти. Сражаться с упырями, волкодлаками и прочей нечистью в компании подружки-валькирии Герды, осваивать хитрую науку запечатывания жальников – и искать по белу свету возлюбленного с огненным сердцем, которого напроорочил ей шаман... р.с. Цикл написан с опорой на мифологию и русские народные сказки. Уважаемые читатели! Так как "Ниенну" приняли в издательство, и она летом выходит в бумаге, формат ее распространения меняется на платный.

Содержание

Трупная госпожа	4
Чудовище в Щедром Поле	84
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Наталья Русинова

Ниенна. Благословленная Смертью

Трупная госпожа

Замок чародейской Академии Боевых, Целительских и Особых искусств славного города Ахенбурга поражал любое воображение. Диковинные шпили трёх башен богохульно угрожали проткнуть небо и подпереть острыми концами святую задницу самого Всеблагого Левия. Окна были затянуты не крашеной слюдой и бычьими пузырями, а самым что ни на есть настоящим стеклом. Рассвет отражался в них всеми оттенками багряного и алого, словно огненная лава в Бездне с рогатыми.

В той самой, куда после смерти ссылают непослушных дочерей, сбегавших из-под родительского крыла.

«Мы тебе добра желаем, как ты не понимаешь! – картинно заламывала руки графиня Антарская. – Маркиз Жермен – выгоднейшая партия: древний род, богатые земли, ни единого родственника, претендующего на наследство, в живых не осталось!»

«Выйдешь, и точка! – отчеканил граф и отец. – А посмеешь отказаться и опозорить нас перед общественностью – выпорю на конюшне, как зарвавшуюся дворовую девку, не посмотрю, что родная кровь».

– Вы меня догоните сначала, – прошипела себе под нос Ниенна и на негнущихся ногах пересекла широкую площадь перед коваными воротами замка.

Страшно было уходить в ночи из дома, прихватив лишь две смены одежды, шкатулку с украшениями и небольшой кошель с монетами, а потом до рассвета ехать сюда верхом на норовистой кобыле.

Однако выходить замуж за уродливого старика было ещё страшнее.

Об Академии Ниенна не знала практически ничего. Могла судить лишь по обрывкам разговоров друзей отца, что бывали с визитом в поместье графа Антарского. Те говорили, что времена нынче лихие и студиязусов едва ли не с первого курса отправляют на практику, где они и воюют, и исцеляют, в общем, работают почти как взрослые маги.

Ей бы только остаться и поступить! Адепты всех чародейских академий Острижского государства имели абсолютную неприкосновенность и подчинялись лишь наставникам и самому королю. А тот охотно привечал новых магов и никогда не возвращал сбежавших детей в лоно семьи.

И то ведь верно. Боевой чародей в полном обмундировании способен за краткий миг превратить пару десятков кон-

ников вместе с лошадьми и доспехами в кровавую кашу. Полезное умение для государства, на границы которого постоянно грозятся напасть то степняки с востока, то остроухие с запада. Вот только её, Ниенну, в боевики не возьмут. Слишком хрупкая, слишком маленькая и худая. Черт бы побрал эти балы и вышивания, лучше бы драться научили!

— Куда такая лялечка собралась с утра? — осклабился один из чародеев, стоящих на страже у замковых ворот. Высокий, черноволосый, с жестким лицом и ехидным прищуром тёмных глаз. Боевик-старшекурсник, судя по оружейной перевязи с клинками и тремя флаконами взрывного зелья — Ниенна видела такие у батюшкиной охраны. Рядом ещё четверо парней живо прекратили обсуждать прелести какой-то Марриетты и теперь с интересом наблюдали за происходящим, явно предвкушая бесплатный спектакль.

В прошлой жизни Ниенне хватило бы одного взгляда, чтобы подлец уже булькал в канаве у ближайших кустов, куда его кинул бы телохранитель. В этой пришлось с почтением склонить голову и прошептать:

— Доброго здравия вам, господин чародей. Я приехала поступать в Академию...

— Да что ты! — загоготал боевик. Его товарищи радостно подхватили. — А я уж думал, песенки нам петь о любви. Споёшь, птишка? А мы послушаем.

Ниенна от такой наглости растерялась и замолчала. Устроить скандал, объяснить, кто она? Вернут домой в два

счета, и затея с побегом, считай, провалилась...

– Чего пристал, Альбрехт? – вылез вперед второй боевик, гибкий, подтянутый, в идеально скроенном по фигуре тёмно-синем мундире. Кудрявый и зеленоглазый, про таких в народе говорили «девкой был бы краше». – Может, она и не умеет, бедолажечка. Пусть лучше поцелует каждого из нас и проходит. Целуются девчонки лучше, чем поют, это я вам точно говорю!

И парни заржали, словно жеребцы.

У Ниенны полыхнули щёки. Она лихорадочно соображала, что ответить, и не находила слов.

Спасение пришло неожиданно.

– Опять абитуру пугаете, вурдалаки?! – грозно рявкнул женский голос, и из-за стены показалась рослая светловолосяя девица с длиннющей косой. Она вряд ли была сильно старше самой Ниенны, но выглядела грозно – жилистая, сухопарая, в форме боевого мага-практиканта, с воинским поясом, на котором висели такие же, как у парней, ножи и склянки. – Пожалуюсь декану Рейвану, будете до утра котлы на кухне драить!

– Герда, ну кой леший тебя принес так рано?! – тут же накуксился черноглазый Альбрехт. – Всё веселье испортила! Сама же знаешь, как скучно в карауле стоять...

– Можете в камере в перерыв друг другу передёрнуть, и повеселеет, – с каменным лицом посоветовала девка и повернулась к Ниенне, готовой от смущения провалиться

сквозь землю: – За мной иди.

Они миновали ворота замка и вошли во двор. Тут было пусто, лишь вдалеке сновали слуги да журчал небольшой фонтан в виде распустившегося бутона лилии.

– В следующий раз не смей робеть перед ними, поняла? – снова заговорила суровая провожатая. – Скучно им, бездельникам, на страже стоять! Очумели совсем!

– Поняла, – тихонько пролепетала Ниенна, с опаской косясь на новую знакомую.

Та сбавила шаг и обернулась.

– Эй, боишься, что ли? Не бойся, я девчонок не обижаю. Наоборот, защищаю. Знаю, каково это: меня в первые пару лет тоже как только ни склоняли, каких только каверз ни чинили...

– А потом? – спросила Ниенна, осмелев.

– А потом я их всех на ристалище уложила на лопатки и притихли, – оскалилась девица. И пояснила: – Я сильнее человека, так как полукровка. Валькирия. Меня Гердой звать, ты уже слышала.

– Серьёзно? – ахнула Ниенна, мигом забыв про все страхи. – Никогда прежде вашу сестру не видела, только слышала, что с его величеством Александром у твоего племени дела важные. Летаешь?

– Не-а, не дано, крови материнской не хватает, – погрустнела Герда. И тут же сменила тему: – Расскажи про себя хоть.

– Ну...

А, будь что будет!

– Я Ниенна, младшая дочь графа Антарского. Уже бывшая, – поспешила уточнить она, глядя в побледневшее лицо Герды. – Сбежала из замка, замуж не захотела идти, за кого сказали. Меня теперь из рода выгонят и наследства лишат. Ну и пошли они...

И Ниенна сердито прибавила шаг.

– Жених, поди, не красавец? – сочувственно подняла брови Герда, догнав её.

– Маркиз Жермен, владелец земель от Ухри и до самого Серого перешейка.

– Чего? Да ему ж, судя по роже, минимум тыща лет! – раскрыла рот валькирия.

– Поменьше, – фыркнула Ниенна. – Но рожа – да, ты права. Говорят, он половину состояния на молодильные эликсиры потратил да на дистиллированную живую воду. Потому и держится на этом свете бодрячком. Даже на лошадях ездит...

– И всё равно, – возмутилась Герда, – куда ему молодую девицу в жены? Можно подумать, он там что-то ещё может!

Ниенна помолчала пару минут, а затем с тяжелым вздохом призналась, подбирая слова и заикаясь от стыда:

– В том-то и дело... что может. Я соглядатая в его имение послала, чтобы с девками-служанками переговорил. Потому и сбежала. Лучше в петлю, чем с пеньком замшелым...

И снова замолчала. Зато Герда моментально налилась ку-

мачом от гнева.

– Вот старый козёл, а! – всплеснула она руками, ну прямо скандальная торговка на рынке. – Сидел бы в склепе своем позолоченном, жене-старухе под нос пердел, как порядошный! Нет, он к девчонкам хорошеньким лезет, охальник! Ох, голубка, надо тебе у нас оставаться, хоть тушкой, хоть чучелком.

– Тушкой и чучелком не надо, – впервые за утро улыбнулась Ниенна. Валькирия начинала ей нравиться. – Мне бы поступить. Но в боевики не возьмут, а в целители пойду лишь на самый крайний случай. Попробую пробиться на Особый факультет.

Герда остановилась так же стремительно, как и шагала до этого.

– Ты ополоумела, девка? Знаешь, кого там учат? – и отчетливо произнесла по слогам: – Не-кро-ман-се-ров! Трупы ожившие упокоивать, а иногда и поднимать из могил, тьфу, пакость какая! Упырей бить, гулей, урдалаков, стрыг и прочих кровососов... Может, лучше бы хвори лечила да роды принимала?

– Да я лучше с упырями повоюю, – скривилась Ниенна. – Главное, чтобы взяли.

– Это если дар у тебя особый имеется, – наставительно подняла палец Герда. – Ну, попытка не пытка. Отведу тебя к наставнику Удмертию, он всеми трупными делами заправляет. Может, и выйдет из тебя толк. Только потом, чур, не

нить и домой не проситься!

– Не буду, – тут же согласилась Ниенна. – Лучше с кровососами воевать, чем со стариками жениться.

– И то верно, – хохотнула валькирия. – Ну, тогда пошли. Нам сюда.

Декан Особого факультета магистр Удмертий для своего ремесла имел удивительно благообразный вид. Парчовый красный балахон, шитый золотом, роскошная седина на длинных волосах – Ниенна могла поклясться, что на столь изысканный пепельный цвет извели не меньше бочонка жженных единорожьих хвостов. Глубоко запавшие, но ясные глаза, скуластое и очень худое лицо.

Герда успела по пути сюда шепнуть, что студиязусы за глаза бесстыдно величали наставника преподобным Умертви-ем, и тут же предупредила – если ляпнуть подобное в его присутствии, можно вылететь из Академии, как из пороховой бочки. Без права восстановления.

Судя по взгляду, которым Удмертий одарил вошедшую, Ниенне эта участь грозила и без дополнительных ухищрений вроде неумения держать язык за зубами.

– Учиться некромансии, значит, хотите, милочка? – неодобрительно поцокал он языком. – Любит порой ваш дамский пол романтизировать сие ремесло... Может, всё же у целителей силы попытаете?

Герда говорила, что на Особом факультете всегда огром-

ный недобор – ни разу не находилось достаточно идиотов, готовых с риском для жизни шастать по жальникам и древним некрополям. А профессия нужная, хоть и тяжелая, кровавая и грязная. Злого чернокнижия в мире хватает с избытком, а значит, должны быть и те, кому под силу с ним справляться – конечно, после получения диплома и лицензии.

И даже за большие (в перспективе) гонорары люди учиться на некромансеров не жаждали. Особенно девицы. Ни один вменяемый муж не потерпел бы рядом супругу, проводящую большую часть жизни среди оживших трупов и упырей.

Но у Ниенны в прошлой жизни остался примерно такой же, едва влачащий свое существование труп. Вот только ему требовались наследник и её верность по гроб жизни. Вариант судьбы, где подзадержавшихся на белом свете мертвецов и кровососов всех пошибов ждал осиновый кол в сердце или серебряный кинжал в глазницу, нравился ей гораздо больше.

– Не ошиблась, магистр Удмертий, – твердо заявила она. – Готова сей же час приступить к испытаниям, какие вы мне назначите.

– Фу-ты ну-ты, – с легкой насмешкой покачал головой декан. – А вы девица бойкая, как я погляжу. Что ж, признаю – студюзусов в нашей тихой обители, посвященной служению Милосердной Смерти, маловато. И меня это несказанно удручает. Приходится брать даже неграмотных селянских детей, если есть хоть маломальский дар. Женщины, правда,

заходят редко, последняя была лет сто назад.

Он поднялся из огромного кожаного кресла, задумчиво постучал пальцами по письменному столу. Ниенна замерла, затаив дыхание. А декан извлек из незаметного ящичка под столешницей фиолетовый шар. Щелкнул по нему длинным ногтем, и тот засветился изнутри.

– Признаться, в благополучный исход испытания не верю ни на грош, но мне любопытно, как вы будете справляться, – усмехнулся он. – Нечасто на мою долю выпадает такое развлечение, сами понимаете. Нет, не пугайтесь, безопасность вашу я полностью обеспечу.

Шар лег в подставленную ладонку Ниенны, как родной.

– В нашей Академии живет призрачная дама, госпожа Инесса де Монсельон, в прошлом герцогиня. Погибла около пятисот лет назад на охоте в этих краях, прибилудилась к нам, да так и осталась. Надеюсь, привидения вас не пугают, милочка? – Ниенна помотала головой, и чародей продолжил: – Последние пару лет она в дурном настроении, а значит, страдаем и мы. Взрываются эликсиры в пузырьках закалённого стекла, огонь выскакивает из камина и делает дыры в дорогом ковре, на той неделе трубы в ванных комнатах прорвало... Попробуйте с ней поговорить, узнать, чего ей хочется, и тогда посмотрим, выйдет ли из вас толк. Если не получится, не обессудьте. Факультет целителей – ваш удел.

– А как я её найду? – почему-то шепотом спросила Ниенна.

– Ничего сложного, голубка, – фыркнула стоящая у двери Герда. – Тут нужно постараться, чтобы она не нашла тебя.

Ниенна кивнула, сжала шарик вспотевшей ладонью и... провалилась в пурпурное марево, где то и дело вспыхивали золотые блики. Затем туман рассеялся и перед ней открылся длинный коридор с узорчатыми зеркалами. Казалось, конца и края в нем нет.

Навстречу величаво плыла красивая дама в изысканном голубом платье, чей подол был расшит жемчугами. Длинные светлые волосы летели за ней по воздуху, словно подхваченные ветром.

Глаза дамы были печальны, в них сквозила неимоверная усталость.

Ниенна не представляла, как нужно вести себя с призраками. Но прекрасно знала, как следует графской дочери, почти достигшей возраста шестнадцати лет, вести себя с герцогиней. Уж чему-чему, а этикету её обучали едва ли не с пеленок. Она торопливо присела, растянув в стороны подол запыленного дорожного платья, и склонила голову, ожидая, пока госпожа Инесса заговорит с ней первая. И внутренне молилась всем на свете богам, чтобы она это сделала.

Тактика принесла хорошие плоды: кто-то из богов явно не остался глух к её просьбам.

– Приятно видеть среди неотёсанных деревенщин обученную хорошим манерам девицу, – прошепел бесцветный голос. – Встань, дитя. Зачем пожаловала в сию скромную

обитель?

– Учиться некромансии желаю, госпожа Инесса, – отозвалась Ниенна. – Декан Удмертий отправил меня с вами переговорить о важном деле... – Она запнулась на секунду, но всё же выпалила: – Понимаю, что я всего лишь глупая, наивная девчонка, не имеющая никакого жизненного опыта, но, может быть, я смогу вам чем-то помочь?

– Помочь? – изумилась дама. – И как же? Вернешь мне тело? Это невозможно, оно истлело в первую сотню лет, а в другое я войти, к сожалению, не могу, да и не хочу уже. Быть призраком легко: такой простор, такая свобода! Вот только скучно. Не поверишь, как низко я пала! Днями и ночами просиживаю в местной сокровищнице, рассматриваю камни в зачарованных артефактах, как играют в них солнечные лучи, как рассыпаются по стенам крохотные радуги... Ах, дитя, видела бы ты мою сокровищницу, пока её не разграбили после смерти мои же потомки! Варвары, они распродали за бесценок аксамитовые полотна, шали из индостанского шёлка ручной работы, вырвали с платьев все розовые и черные жемчуга, чтобы, не постыжусь этого слова, вжарить редчайшие бусины бесстыжим торговцам на рынке! А опалы, которые добывали дворфы в Островитных горах? Какой у меня был гарнитур из ожерелья и подвесок, ты бы видела! Сама королева от зависти бы лопнула!

И герцогиня уронила лицо в ладони. Плечи её вздрагивали. Следом начали вздрагивать и стены. С потолка Ниенне

на голову посыпалась штукатурка.

Но юной дочери графа Антарского не было страшно. Наоборот, она мысленно усмехнулась. Вот и причина того, что страдания утонченной, ранимой герцогини никто не понимает. Кому понимать, если кругом одни мужики да неотесанные деревенщины! А то и оба в одном лице, типа Альбрехта на воротах.

– Госпожа Инесса, не считите за подхалимаж и назойливость, но... позвольте вручить вам подарок. – Ниенна заозиралась по сторонам и с облегчением охнула: котомка с вещами стояла у стены буквально в двух шагах. – Так получилось, что, убегая из дома, я взяла с собой кое-что, а в нынешней жизни оно мне не пригодится. Продавать не хочу: как вы правильно выразились, купят бесстыжие торгаши, не понимающие истинной ценности предмета.

Она торопливо раздвинула тесёмки, пошарила в лежащей на стопке вещей шкатулке и выудила оттуда кулон и сережки-капельки. Конечно, они не шли ни в какое сравнение с богатейшим гарнитуром герцогини, ибо незамужней девице полагалось носить лишь простые и изящные безделушки. Зато опалы были теми самыми, из Островитных гор. Редчайшими и очень дорогими.

– Прошу, примите пока эти украшения. А я поговорю с деканом и приложу все усилия, чтобы вам как можно скорее доставили самых изысканных платьев и драгоценностей.

– И меха, – захлопала в ладоши герцогиня Инесса. Глаза

её засветились радостью. – Обожаю соболиные меха! Пусть одеяло мне из них сошьют!

Драгоценности сели на полупрозрачное тело как влитые и засияли, словно звёзды морозной ночью. Ниенна невольно засмотрелась, раскрыв рот.

– И всё же, дитя, почему некромансия? – лукаво взглянула на неё герцогиня. – Почему ты вообще сбежала из дома? Думаю, от неудачного замужества?

– Вы очень проникательны, госпожа, – снова присела в реверансе Ниенна. – Меня хотел в жены маркиз Жермен, а я лучше умру, чем...

– Боги! – не дала ей договорить призрачная Инесса. – Да он на момент моей смерти уже был немолод! И ко мне сватался, я отказала. Он вдобавок жаден, как лепреккон, и вечно угрюм.

– Тогда вы понимаете, госпожа, почему я сбежала.

– Ничто в этом мире не меняется, – с грустью покачала головой Инесса де Монсельон. – Пять сотен лет прошло, а мужики всё также думают, что за деньги можно купить покорность бесправных юниц, даже если сам страшен и стар, как распоследний упырь. Тьфу на него, девочка. Стань достойной некромансеркой и упокой это чучело окончательно!

Она хлопнула в ладоши и растаяла в воздухе. А пространство вокруг вновь затянуло уже привычной пурпурной дымкой...

– Эй, пташка, очнись! – кто-то осторожно хлопал Ниенну

по щекам. – Уморила тебя знатная тетка, что ли?

Герда. Стоит перед ней на коленях, с тревогой вглядывается в лицо. Стоп, она что, упала в обморок?! Ниенна, крих-тя, поднялась с мягкого ковра и положила шар на столешницу. Сейчас он совершенно не светился.

– Ну? – надменно-вопросительно поднял брови декан.

– Всё в порядке, – кивнула Ниенна. – Велите доставить для госпожи несколько платьев, достойных её высокого статуса. Кремовых, голубых и нежно-розовых, под цвет её кожи, волос и глаз.

Она чуть задумалась.

– Ещё понадобятся шёлковые чулки, расшитые золотом туфли для дома и для танцев, горностаевая накидка, украшения... Ах, да, и одеяло из соболей! Тогда она не будет чинить никаких препятствий.

– И всё? – изумился магистр Удмертий. – Весь сыр-бор из-за бабьих тряпок?

– Это не тряпки, а радость, способная скрасить одинокое существование даже призрака. Тем более, прекрасной и знатной женщины, – сурово сдвинула брови Ниенна.

Декан поглядел на неё со смешком:

– Смотрите-ка, наша птичка умеет громко и сердито чиркать! Ну хорошо, сделаем, как ты скажешь. Бери перо и чернильницу, составляй список необходимого для герцогини Инессы, а потом Герда проводит тебя к кастелянше и поможет получить форму. Дальше сама уже разберётся.

Ниенну бросило в жар.

– Так меня приняли? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Ну конечно! – радостно ответила Герда. – Глянь на свои запястья.

Ниенна глянула – и ахнула от изумления: прямо по коже тоненькими браслетами бежали изящные, тёмные, почти черные письма на непонятном языке. Но в свете лампы они вдруг блеснули фиолетовым.

– Стихия, что находится по ту сторону жизни, изучила и приняла тебя, – довольно кивнул магистр Удмертий. – Добро пожаловать на Особый факультет, девочка!

***

– ...Ежели мы откроем труды наших уважаемых корифеев целительской науки, господа студиозусы, то изрядно удивимся. Потому как величайшие лекари былых эпох искренне верили, что в теле живого создания циркулируют четыре вида жидкости: кровь, желтая желчь, черная желчь и флегма. И каждая из оных несет в себе пользу огромную, питая органы и приливая к членам... Адепт Викентий, я сказал что-то смешное? Может, вам стоит перевестись к дуболомам на боевой факультет? Там вы найдете себе компанию по душе и будете целыми днями обсуждать процесс размножения биологических, сталбыть, видов... Нет? Тогда сделайте милость, прекратите хихикать, как продажная девка в портовом бор-

деле. О чем это мы?

Наставник Герий, лысоватый и долговязый некромансер первой степени, поправил очки на носу и продолжил:

– Вот, юные милсдари и милсдарыни, извольте полюбоваться, какая чудесная печень у этого разложенного на холодном столе бедолаги. Что мы можем по ней сказать? Умер носитель от пьянства, но печень, как видите, вполне себе сохранена, ибо смерть к несчастному пришла в виде удара тупым предметом по голове. Он не успел дожить до цирроза и разложения заживо, и в его случае это, пожалуй, к лучшему... Великолепное зрелище, не правда ли? Взгляните, как причудливо набухли вены! А теперь давайте извлечём орган и рассмотрим, сталбыть, изнутри, насколько порчены жиром сосуды... Адепт Яков, может, вам к лекарям всё же наведаться? Вы, стесняюсь напомнить, блюете третий раз за лекцию, а ведь мы даже до кишечника не добрались!

Ниенна украдкой зевнула.

Четвёртый месяц она в Академии. Былая жизнь словно отступила в тень, сделалась бесцветной и тусклой. Теперь её руки, вместо золотых браслетов и колец с драгоценными камнями, украшали кровавые пятна после помощи наставникам на вскрытиях, ожоги, заработанные на алхимических практикумах, и ссадины с синяками – после тренировок на «дристалище», как называли площадку для боев старшекурсники.

«Это потому, что мелкота порой от усталости падает и со

страху ревет прямо в поединках, – со смешком объяснила ей Герда. – Альбрехт со своими крокодилами любят пугать всяко, да и дерутся, как мухоморами обожрамшись. Девоч, правда, особо не трогают. Так, разве что мечом пониже спины приложат плашмя, для смеху...»

После этого откровения Ниенна шарахалась от компании боевиков, как рогатый от храма Всеблагого Левия. Увы, помогало это не всегда. Специально её, конечно, никто не искал, чтобы подразнить или сделать какую-то пакость, но при столкновении в коридоре напомнить во всеуслышание про поцелуйный должок для этих вахлаков было, можно сказать, делом чести. Только какой-то особой чести, препаскуднейшей.

– Да уймись ты, они всех дразнят, – привычно отмахнулась Герда нынешним утром, когда они сперва встретились на завтраке, а теперь вот, в толпе целителей, перемешанной с кучкой некромансеров, шли на спарринг. Основам лекарского дела и боевки учили в Академии всех адептов. – У Альбрехта вообще семья военная, в королевской армии не последние чины, слышала же про род Вельфов? Все как один с сильным магическим даром, причем конкретно с боевым. Тут или сражаться за корону, или голову на плахе однажды сложить. Слишком уж опасна такая семейка без надлежащего контроля. И мальчик по той же стезе отправится, без вариантов. Он и свою боевую тройку уже натаскивает который год, чтобы спину прикрывали в заварушках, и в мясорубку

все вместе пойдут при необходимости. Конечно, в мирное время им тоскливо, вот и борзеют со скуки. А малышня им вдобавок достойный отпор дать не может.

– Я тебя младше на два года всего, а этих здоровых лбов – на три, какая я малышня?! – вскипела Ниенна.

– Вот, уже злиться начинаешь, – довольно подметила Герда. – Так, глядишь, и отгавкиваться научишься. Это жизнь, детка: или ты, или тебя.

Ниенна видала такую жизнь... нет, даже не в гробу, а в академическом морге, на столе для вскрытий. Но делать было нечего: снисходительно-насмешливого отношения к себе ей всё равно пока не переломить – ни сил, ни знаний, ни уверенности. И Герде того и гляди надоест с ней нянчиться... Лучше уж пока терпеть и набираться опыта.

Рассвет окутал золотым сиянием Миреновые горы на востоке и небритые, заспанные рожи боевиков, что усердно отжимались на площадке для тренировок.

– Итить вас в качель, тунейдцев, вы будущие боевые маги или шлюхи из борделя на Трех углах? – орал хриплым басом седой и огромный, как медведь, декан факультета боевых искусств магистр Рейван. – Альбрехт Вельф, тебя в зад всю ночь драли, или ты по другой причине оторвать его от земли не можешь?! Ррразговорчики на последних рядах! Языки прикусили и продолжаем! Ииииии ррраз! Ииииии два!

Несколько десятков парней отталкивались от плаца с максимальным усердием, как от противника, больного прока-

зой. Воздух наполнился запахом мужских тел в самом расцвете сил и здоровья и коллективным пыхтением, порой прерываемым стонами, весьма далёкими от чувственных.

– Дамы пришли! – с издевательской ноткой в голосе повернулся к новоприбывшим магистр Рейван и насмешливо поклонился.

Стоящие в некромансерско-целительской толпе парни тут же начали наливаясь краской от обиды и злости, но седой боевик их словно не замечал. Ниенна могла поклясться, что он делает это нарочно.

– Сегодня повеселимся, – с ухмылкой пообещал магистр. – Делитесь на команды по трое. Будем добывать артефакт, именуемый Чаша скорби, в толще скал, наперегонки друг с другом. – И начал отрывисто давать указания: – Кости друг другу не ломать! В овраги конкурентов не сталкивать, в реке не притапливать, даже на минуту! Запрещенные для адептов заклинания не использовать – вырву к херам пальцы и засуну вам в такие места, о которых вы даже не подозревали! Уяснили, молокососы?

Ниенна вмиг почуяла, как задрожали от страха колени. В лесу и горах, без защиты наставников, зато с Альбрехтом и его командой...

– Не бойсь, – тут же шепнула Герда, – со мной побежишь. Я тебя на закорках понесу, ты из всех присутствующих самая маленькая и худая. Целителя только с собой возьмем потолковее, мало ли, что по дороге случится.

– И я опять буду обузой, – едва не расплакалась юная некромансерка. – Самое слабое звено во всей команде!

– Да ну? – усмехнулась Герда и наклонилась к самому её уху: – Ты секретный ингредиент, а не слабое звено. Я буду нас вести и защищать, целитель, в случае чего, тоже подключится к драке. На мгновение ослабить руку и заставить выронить оружие не запрещается.

– А я...

– А ты, голубка, будешь добывать чашу, которую нам сейчас покажут. Запомни её хорошенечко. Обычно артефакты прячут в скалах, в труднодоступных местах, куда кони здоровые, типа Альбрехта, ни за что не пролезут. А вот ты, пташка малая, сможешь. Надеюсь, ты умеешь лазить по скалам?

– По деревьям только тайком от родителей лазила, – со смешком призналась Ниенна.

– Годится, – одобрила валькирия. – Половина здешних девиц не умеет и этого. Испытания – штука веселая, но сложная, некоторые потом лежат в лазарете сутки-другие. Поэтому будь готова и смотри во все глаза. Старшекурсники без тормозов – не самая большая напасть, что может ждать нас в лесу.

Они бежали, не оглядываясь. Мчались через бурелом, через поросшие мхом коряги, что тянулись руками-сучьями вдоль болот, прыгали горными козами по тропке сквозь чарусу, поросшую нежно-голубыми лилиями. Следом увязал-

ся один из боевиков параллельного потока, Ниенна не помнила его имени. Неуклюжий парень, почти мальчишка, он с гиканьем и улюлюканьем несясь следом за девицами, делая страшные рожи, – и предсказуемо оступился, провалившись в болото.

– Плохо, что вы ещё фольклор не проходили. – Герда задумчиво посмотрела через плечо, как он отчаянно вопит и дёргается, погружаясь всё глубже. – Знал бы мудрость наших предков: попал в говно – сиди и не чирикай.

– Он же утонет, – тихо застонала ей в макушку Ниенна. Сидеть на хребте у жилистой валькирии было очень болезненно – и для самолюбия, и для филейной части её худощавого тела.

– Не утонет, наставники следят за каждым. Через минуту активируют портал и вытащат его в замок, – пояснила бегущая рядом Азали, длинноногая рыжая девица с целительского факультета. Кажется, третий год обучения.

– Минута – это много! Он нахлебается ядовитой воды и будет болеть! – стояла на своем Ниенна. – Мы делали пробы в том месяце: концентрация дряни, как в бульоне из воловьих жил! Плюс кишечная палочка и возбудитель холеры...

– Такова плата за скудоумие, – фыркнула Герда. – Сиди и не дёргайся, девочка, я тебе не породистый рысак.

Они понеслись вперед, почти не разбирая дороги. Внезапно воздух вокруг задрожал и подернулся туманным фиолетовым маревом. Герда пошатнулась и едва не свалилась на

поросший клевером лесной ковер под ногами.

– Заклятие Оцепенения! – взвизгнула Ниенна прежде, чем успела додумать и оформить эту мысль. – Наше, некромансерское! Им обездвиживают обычных людей, случайно попавших на место сражения с упырями, чтобы под ногами не путались.

Заклинание безвредное, разрешенное к употреблению повсеместно, простое, как крестьянское топорщице, – и такое же действенное, если приложить по голове. Полноценной защиты против него не существовало. Герда застонала и рухнула на колени, Ниенна едва успела соскочить на землю. Тут же вытянула руки вперед, прощупывая чувствительными пальцами ауру места, закрыла глаза, начала прислушиваться. Сердце гулко стучало в груди, требовало больше воздуха, угрожало пробить тесную клетку из ребер и выскочить наружу.

– Там! – выдохнула она спустя несколько секунд, указывая на стоящий поодаль куст черноплодника.

Герда попыталась извлечь клинок из ножен, но не вышло – руки дрожали. Азали с усилием подняла голову, сплюнула на траву вязкой слюной и с яростным шепотом толкнула ладонью воздух в направлении треклятых зарослей. Через пару секунд оттуда раздался мужской вскрик, а затем отборные ругательства. Вялость в теле моментально исчезла.

– Илар, это ты? – издевательски-озабоченно спросила Азали. – С облегчением, котёночек. В следующий раз не за-

бывай вовремя принимать лекарства от запора.

Миг – и Герда подхватила Ниенну, снова кинула себе за спину и понеслась дальше. Но у зарослей черноплодника, где невидимый Илар витиевато проклинал прародителей Азали до седьмого колена, с ухмылкой притормозила, оторвала лист лопуха и кинула его в сплетение ветвей.

– Сам отставай, а товарища выручай, – многозначительно заметила она и помчалась дальше. Ниенна тоже не осталась в стороне и показала за спину жест, которому ещё в детстве её научил Аксель, сын графского садовника. Жаль, батюшка с матушкой полученное знание почему-то не оценили, а потом и вовсе запретили дочке общаться с детьми слуг.

Вслед донеслись отборные ругательства в адрес уже всех троих девиц.

Дальше было почти без приключений. Альбрехт с командой где-то потерялись по дороге. Лес вдобавок был полон всяческих хищников, но Герда и Азали предусмотрительно запаслись эликсирами, отбивающими у зверей обоняние, и сперва проскочили едва ли не под носом у трех волков, затем не менее десяти минут стояли в узкой расселине, прижавшись друг к другу, пока рядом ходил голодный иглобрюх. Наконец тот учуял более доступную добычу и умчался напролом через кусты, а девицы понеслись дальше.

Миреновые горы вблизи оказались скалистыми, едва поросшими реденькими березками. Время и ветер испещрили

каменную поверхность, сделав её похожей на высохшую надломленную халву.

– Тут прорва всяческих ходов, часть из них извилистая и скользкая, хуже драконьей клоаки, – шёпотом сказала Герда. – Но все они ведут к одной пещере. Успей первая, и мы победим.

Ниенна коротко кивнула, дернула на голову капюшон серой униформы для боевок и скрылась внутри ближайшего лаза. Здесь она затормозила на пару минут, чтобы смазать ладони и подошвы сапог зельем Летучей Мыши, дававшим отличное сцепление с любой поверхностью. С учетом её веса и телосложения, оно служило огромным подспорьем в гонке по извилистым подземным катакомбам. Теперь закапать в глаза средство для ночного видения – и готово.

Ниенна усмехнулась и полезла на потолок на четвереньках, как заправская ящерица. Потому что запрещать ей родители могли что угодно, но с друзьями она не рассталась, несмотря на то, что они якобы не подходили ей по статусу. По каким только чердакам они с сыновьями конюха и садовника ни лазили, в каких только укромных местах ни прятались от бдительного графского ока! Сколько яблок и слив однажды украли из соседнего сада, и как потом дружно маялись животами! Ниенна пострадала меньше всех, для неё не покупались на лучшие лекарства. Мальчишки же отделались хорошей поркой, но их дружбу даже такая несправедливость не разрушила, как раз наоборот.

Всему самому полезному, что сейчас пригодились в Академии, юная некромансерка научилась благодаря дружбе с «простяками», как презрительно называла их мать.

«Лучше бы я родилась в семье конюха, – горестно вздыхала Ниенна, не забывая, впрочем, перебирать конечностями и глядеть по сторонам. – Вышла бы замуж за Акселя, он добрый и красивый, не то что маркиз...»

Впереди забрезжило слабое сияние. Как раз вовремя: Ниенна уже устала висеть вниз головой, да и капюшон мотался за плечами, то и дело закрывая обзор. Она осторожно высунула голову из укрытия – и едва не застонала от досады.

Перед ней располагался огромный причудливый зал, богато поросший сияющими сталагмитами, что торчали из земли, будто драконьи клыки. Был там и постамент, обильно украшенный рунами, большую часть которых некромансерка не понимала.

А около него стоял боевик-старшекурсник Эдгар. Смазливый товарищ Альбрехта, предлагавший ей поцеловать всех стражей в то злополучное утро. И стоял он с золоченым кубком в руках.

Вот когда Ниенна пожалела, что до сих пор не выучила то самое прослабляющее заклинание, которым Азали вывела из строя Илара! Да пусть бы он обделался прямо на месте, подлец! Ну почему всегда везет самым наглым и сильным, или тем, у кого больше власти?!

Слёзы обиды щипали глаза, и она пропустила момент, ко-

гда часть стены отошла в сторону и оттуда вышли двое в синих мантиях наставников боевого факультета. Лица их были скрыты капюшонами, и вычислить, кто прячется под одеждой, не представлялось возможным.

– Господа наставники, я смог! – ликующе заорал Эдгар. – Я успел!

– Ты молодец, мальчик, – едва слышно пророкотал первый, и Ниенна замерла, как мышка: голос она тоже не узнавала. Наверняка его исказили неведомыми для адептки-первокурсницы чарами.

– Достойный кандидат для будущих свершений, – усмехнулся второй. А затем с силой толкнул перед собой воздух, и парня ударила в грудь светящаяся волна.

Эдгар не успел даже удивиться – выронил кубок и мешком повалился на каменный пол. Ниенна от страха ещё крепче вцепилась в щербатый потолок, так и вися вниз головой.

А первый наклонился над неподвижным боевиком, повел руками над его головой – и некромансерка с ужасом увидела фиолетовое сияние, исходящее от обтянутых синими перчатками тонких пальцев.

Это немыслимо! Невозможно использовать две, а тем более все три Стихии на столь высоком уровне! Сильные боевики со временем переставали варить лекарские снадобья, всё равно ничего путного не выходило. Покупали у коллег на честно заработанные высокие гонорары. А уж целителям использовать некромансерские штучки и вовсе не рекомен-

довалось без крайней нужды. Ибо Жизнь и Смерть хоть и две стороны одной медали, но смотрят в противоположные стороны и подавляют друг друга.

А человек (человек ли?) в синей мантии прочитал над бездыханным боевиком неизвестную Ниенне формулу и сияние над его пальцами сменилось с фиолетового на изумрудное. Ох, это же «дар жизни», помогающий залечить внутренние раны!

– Готов, – резюмировал первый. – Достоинно послужит нашей цели. А теперь пора. Ещё пара минут, и сюда придут другие студиозусы. Нельзя показываться им на глаза.

Миг – и оба чародея растворились в воздухе.

Ниенна рванула вниз так, что едва не переломала себе ноги в прыжке. Чертыхаясь от боли, подбежала к лежащему Эдгару, торопливо коснулась запястья, шеи, приподняла веко, пытаясь рассмотреть глазное яблоко.

Жив, просто в глубоком обмороке.

Взгляд её упал на валяющийся рядом с боевиком кубок, и она мигом вспомнила об изначальной цели. Воровать добычу у более удачливого и сильного соперника было стыдно. А с другой стороны, разве Эдгар не поступил бы с ней также? Схватив кубок, Ниенна сунула его за пазуху и снова ринулась на потолок.

Она успела скрыться в коридоре как раз в тот миг, когда сзади послышались голоса сокурсников.

Увы, Герда и Азали ей не поверили. Сначала обе с тревогой вскочили с валунов у пещеры, увидев пыльную и расстроенную подругу, но та вытащила кубок и лес вокруг содрогнулся от ликующих воплей. Ниенна попыталась рассказать о произошедшем, но девушки лишь отмахнулись.

– Небось, газа рудного хватанула по пути, – сочувственно бормотала Азали, настраивая крохотный стационарный телепорт для возвращения в Академию. – Он тут злющий, чего только ни примерещится...

– Верно, – кивнула Герда. – Мы с красавчиком одним туточки затихарились пару лет назад, чтобы это, zenки лишние не пялились...

Она чуть покраснела и продолжила:

– А потом задремали в пещере неподалеку. Я через час проснулась, смотрю – вместо него рогатый из Бездны лежит, вооот такие копыта, вооот такие клыки! Я ему в морду-то и двинула, а рука у меня тяжелая...

– Продолжения не вышло? – расхохоталась Азали.

– Не-а, – с грустью вздохнула валькирия. – Сказал, мол, ежели тебе не понравилось со мной трахаться, надо было сказать сразу, а не драться опосля.

Они благополучно вернулись, получили горячую порцию поздравлений от преподавателей (магистр Рейван одобрительно хлопнул каждую по плечу, да так, что у бедной некромансерки едва не вышибло дух) и весьма прохладную – от сокурсников и конкурентов. Пообедали, посетили баню, а

затем – ещё два семинара по азам составления целительских снадобий. Ниенна выдохнула с облегчением, увидев в столовой живого и вполне бодрого Эдгара, но на всякий случай обошла его стороной. Всё равно было немножечко стыдно.

После занятий она не пошла на ужин, решив подумать в тишине комнаты о сегодняшних событиях. Но не успела даже присесть, как дверь распахнулась и показалась Герда с двумя кружками чая.

– Держи, – сунула она напитки, а затем с ухмылкой вытащила из-за пазухи пирог. – Мягонький, яблочный, свежеспертый с кухни.

И, не дожидаясь вопросов, тихо покаялась:

– Прости меня, ласточка. Честно, думала, ты башкой в пещерах шибанулась или ещё чего. А потом поняла, что правду говоришь. Эдгар живой, но... какой-то другой.

– В смысле? – удивилась некромансерка, расчищая стол под кружки и угощение. – Я его два часа назад видела: такой же смазливый и самодовольный.

– Это верно, – с тоской кивнула Герда. – Только он того... к бабам не пристаёт. Совсем. Даже за задницу никого сегодня в столовой не ущипнул. Лиленка с пятого курса хотела его в гости позвать – не поверишь, отказался. Говорит, выпастись хочу в одиночестве, бока болят после сегодняшнего забега по лесу... Ты представляешь?! Да у него, охальника, причинное место скорее заболит, ежели к какой-нибудь бабе дольше пары дней не наведается!

Валькирия задумчиво почесала нос и села в кресло, смахнув с него старые свитки, изображавшие тело человека в разрезе.

– Нет, голубка, что-то неладное происходит в нашем славном заведении. И жопа моя чувствует: быть беде. Надо подумать, как эту беду предотвратить, не говоря наставникам. Потому что, если ты правильно всё поняла, вражиной подлой может оказаться любой из них.

Ночь укутала славный город Ахенбург густым синим покрывалом с шитыми золотом звездами. Окрестности словно замерли, растворившись в тишине, и лишь в крохотной комнате на седьмом этаже башни некромансерского факультета горели огни.

– Эльфы, – с презрением скривилась Герда, отодвигая от края стола опустевшую кружку. – Больше некому. У них это, можно сказать, дело принципа – пакости честному люду творить. Помяни мое слово, голубка, если чуешь нехороший душок дерьма в деле, присмотрись повнимательнее и увидишь торчащие из навозной кучи острые уши.

– Герда, ты слишком предвзята! – фыркнула Ниенна, вытирая рот от крошек. – Где твоя терпимость? Да, они дикари и у нас с ними натянутые отношения, но всё ж разумные тоже существа...

– Подруга, ты мне такие шуточки брось, – сурово нахмурилась валькирия. – В задницу к троллям такую терпимость.

Может, упырей ещё по головушке гладить начнём и жратвой обеспечивать? Тоже ведь разумные создания... тьфу, пропасть!

Она сплюнула в открытое окно и плюхнулась задом на подоконник, подтянув колени к груди. Клинок в ножнах слабо звякнул о стальную створку.

– А остроухие, скажу я тебе, очень даже при чем. Знаешь, что было на месте нашей Академии шесть сотен лет назад? Лаборатория тут стояла большая, они в ней кровавые опыты над людьми ставили. Останки в ямы сбрасывали и закапывали как придется, и хоть бы одна собака молитву отходную прочитала! Я хоть и видела тех богов в причинном месте, ибо никто из них с небес не сошел, чтобы детей своих земных от издевательств мерзких тварей защитить, но всё же это не людски как-то. Не отпели, не оплакали, ничегошеньки.

– Ужас какой, – Ниенну передернуло. – Думаешь, эльфы хотят напасть на замок и территорию оттяпать? У нас же вроде, хоть и шаткое, но перемирие много лет.

– Это пока они силу не набрали. Справно мы им наподдали в свое время! Да и сейчас армия и маги зря свой хлеб не едят и пузо шире задницы не растят. Академия укреплена почище сокровищницы лепреконов! Снаружи в замок не проникнуть, а вот изнутри открыть ворота и впустить врага можно запросто. Не просто же так околдовали самого первого, кто за кубком пришел. Пролез по пещерам – пролезет и мимо ночной стражи, тем более если они свои и угрозы от

сокурсника не ждут... Понять бы, кто за этим стоит из наставников!

Ниенна промолчала, погрузившись в сумрачные мысли.

Магических академий в Острижском государстве было пять, но, в буквальном смысле слова, на костях стояла лишь одна. Потому и ходила о ней дурная слава. Ниенна думала, всему виной обычный старый жальник, коих по всей стране было превеликое множество. Отголоски страшной войны, шедшей шесть сотен лет назад. За это время и святой мученик оброс бы дурной репутацией при должном старании последователей.

Но, раз суету наводили эльфы, и впрямь ничего хорошего не жди. Некромансерка понимала, что одними кровавыми опытами, сколь бы мерзкими они ни были, обойтись не могло. Остроухие молились какой-то на редкость паскудной богине, что предпочитала в качестве жертв детей, чем младше – тем лучше. В ход шли орчата, не отрастившие даже клыков, дворфики, чьих щёчек ещё не коснулся редкий пушок, крохотные лесенята, не успевшие одеться в древесную кору...

И человеческие младенцы, сладко пахнувшие материнским молоком. Ниенна не выдержала и следом за Гердой сплюнула в окно.

– Никак отомстить хотят? Для них это может быть делом чести даже спустя столетия.

– Хороша честь, – скривилась валькирия. – Навроде той, что у жуликоватого торговца, который обманывает лишь

шесть дней в неделю, потому что на седьмой Всеблагой Левый запрещает работать. Надо идти завтра в библиотеку, пошерудить в старинных книгах. И пройтись по списку преподавателей, не был ли кто из них замечен в предосудительных связях с иноземцами всех мастей. Попробуй поговорить с госпожой призраком, вдруг даст ценный совет?

Ниенна в ту ночь долго ворочалась с боку на бок, пытаясь заснуть, и в какой-то момент провалилась в долгожданную дрему с бесконечными туманными коридорами и зеркалами. Ей повезло: герцогиня охотно откликнулась на её зов и даже соизволила выслушать сбивчивый рассказ.

– Не знаю, что и думать, девочка, – удрученно качала головой Инесса де Монсельон. – Я не была магом при жизни и сейчас не чувствую на территории Академии чужого присутствия. Поэтому с меня толку чуть. А вот чего они хотят, подсказать могу. Шесть сотен лет назад, когда в войне наступил перелом и люди начали побеждать, остроухие пытались вытащить с того света свою богиню ТридаMAT. Жертв принесли несчетное количество, пропитали кровью все окрестности. Но девица, в которую должна была вселиться потусторонняя тварь, не выдержала ритуала и скончалась, прежде чем гадина заняла тело. Хотя уж готовили они её на славу, день и ночь поили отварами цветков антуриума, что притупляет боль и дурманит разум. Видимо, переборщили, на наше счастье. Выйди ТридаMAT в земной мир – и не осталось бы от человеческой расы даже воспоминаний. Вероятно, сейчас

они ищут новую жертву. Берегись, ты из здешних девушек самая статусная, в тебе древняя кровь, она может привлечь остроухих.

Ниенна зябко поежилась и оглядела себя в ближайшее зеркало. Изящная девица с голубыми кукольными глазами и светло-русыми кудряшками. На месте Тридамат она бы выбрала кого покрепче, но шут их знает, что на уме у этих эльфов.

Зато о предосудительных связях наставников герцогиня, хихикая как девчонка, выложила много интересного. Так, например, магистр Рейван в юности провел четыре года в плену у дриад в западных лесах и после этого так и не женился, зато держал у себя в комнате тайный погреб с бочками березового сока, а в полнолуние частенько вздыхал у окошка, аки молодая девица в ожидании жениха. Левия, декан целительского факультета, двадцать лет была пираткой где-то на юге и возглавляла банду отменных головорезов, которых держала в ежовых рукавицах. Но однажды распустила команду, ушла на пенсию и посвятила жизнь выращиванию цветов и целебных трав. А затем стала самым заботливым и нежным наставником для юных лекарей.

Декан некромансерского факультета, тот самый преподаватель Умертвий, в стародавние времена зарабатывал на учебу плясками в закрытых увеселительных заведениях для богатых дам соседнего государства. Плясал, кстати, исключительно в черных костюмах. Наставник Герий вроде бы ни-

чем пикантным не прославился, зато держал дома огромного ползучего ящера с Каманских островов, утверждая, что он безопаснее и лучше студентов, потому как хотя бы молчит, и так далее, и тому подобное...

– То есть, по факту, мы ничего не знаем, – хмурилась Герда утром за завтраком. – Ну, отрывались в юности как могли, так кто из нас не без греха? Когда ещё куражиться? На старости лет, когда к любимой женщине невозможно пролезть в окно из-за пуза, нажратого за прожитые годы?

– Я без греха, – почему-то смутилась Ниенна. – И рассказать нечего, даже не целовалась ни с кем.

– Это ненадолго, – утешила валькирия. – Ты хорошенькая, как куколка, тебя охомутают ещё до третьего курса. Парни тебе вслед заглядываются, я видела.

– Ой, да ну их всех, – некромансерка почувствовала, как щеки заливает стыдливым жаром. – Пошли лучше книги полистать до практики.

Но и в библиотеке ничего интересного они не нашли. «История войн» была нудной, как речи кастелянши, выдававшей белье. О зверствах эльфов читать оказалось вовсе противно, и толстенная книжица была закрыта и убрана подальше. От скуки Ниенна решила посмотреть ботанический атлас, в частности, найти антуриум, о котором говорила герцогиня.

– Это он и есть? – Герда наклонилась над её плечом. – Чегой-та на жопу с хреном посередине похож. Не может быть ничего доброго с такого цветка, помяни мое слово.

– Герда, у тебя всё на жопу похоже, куда ни ткни. Давай серьезнее, а?

– А я максимально серьезна. Жизнь такая, кругом сплошная задница, – пожала плечами валькирия. – Упыри какие-то в Академии завелись, магией трех видов владеют, однокурсника моего заколдовали, аж к девкам интерес потерял... И вот еще, полюбуйся, что пишут: «Из прекрасной антурии зелье можно сварить прелюбопытное, что притупляет боль у живых созданий, а эльфам силу дает к оборачиванию в представителя любой расы...» Я ж говорю, жопа с хреном! Может, они у нас все и сидят под личинами наставников?

Ниенну моментально прошиб холодный пот.

– Что будем делать? – шепнула она.

– Есть у меня одна идея, – задумчиво протянула Герда. – Но, если облажаемся, жопа из обычной превратится в квадратную...

Задумка, на первый взгляд, была простая: пробраться на кухню перед ужином и добавить в каждый из кувшинов с напитками по капле зелья, призванного снять с употребляющего любую, даже искусно наведенную личину. Зелье продавалось во всех магических лавках, и ради его покупки Ниенна пожертвовала парой золотых серег из заветной шкатулки.

Герда же аккуратно забила вытяжку над кухней мхом и камнями и, пока повара с помощниками, наперебой ругаясь, чистили засор, успела совершить диверсию, щедро добавив

снадобье не только в кувшины, но и в кастрюли с наваристыми супами.

«Вернее будет, – думала она. – Погоды холодные стоят, супчика-то каждый захочет».

Вернее и вышло. Вот только они не учли, что наложенная личина может иметь весьма разнообразные варианты.

Уже через час обе ревели хорошо слаженным дуэтом в деканате у преподобного Умертвия, который от злости трясся так, что пространство вокруг полыхало фиолетовыми бликами.

– Половина учениц целительского факультета лишилась длинных волос, которые девочки так любовно отращивали! У главной распорядительницы подтянутая дриадскими методиками грудь вывалилась из декольте и повисла, как у старухи, до самого пупа, и прямо в момент, когда она обносила напитками преподавательский стол! – гневно потрясал он ладонями, воздетыми к потолку, словно призывая небеса в свидетели. – Наставник Карий, что ухаживает за магическими существами, второй раз потерял левую ногу, которую давно и успешно заменяла иллюзия – до вашего вмешательства, юные негодяйки! А сколько боевиков-старшекурсников бежало из столовой, придерживая штаны?! Чему мы вас учим здесь? Неужели всячески пакостить ни в чем не повинным людям?!

Он замолк, пытаясь отдышаться, а потом сказал:

– Герда, тебе повезло. Твой декан Рейван не потерял ни-

чего, кроме разве что совести, ибо ржал над происходящим, как рогатый из Бездны. Но я по возрасту и ученой степени выше него, а значит, имею право наказать вас обеих.

Декан Удмертий тяжело осел в кресло и буркнул сквозь сжатые зубы:

– В оранжерею к мадам Полине, на исправительные работы. Будете цветочки поливать да вредителей с грядок собирать. А то, смотрю, дел у вас слишком мало, а свободного времени – много. Физический труд пойдёт на пользу вашим охочим до пакостей умам!

В необходимости физической нагрузки для здоровья живого организма Ниенна никогда не сомневалась. Но одно дело – заниматься полезными вещами, типа езды верхом, тренировок с клинками или даже легкого бега трусцой, и совсем другое – вульгарное окучивание грядок с лечебными травами и цветами, которым, казалось, конца-края не видно.

«Как же хорошо, что я родилась в княжеской семье, а не у конюха, и не вышла замуж за Аксея! – с тоской думала она через неделю после их с Гердой выходки, проползая на карачках меж рядов мандрагоры. – Вот бы романтика у нас с ним вышла: совместное ковыряние в земле и обустройство репища! Весной сажай, летом пропалывай, осенью урожай собирай, а зимой переживай, чтобы не померз в погребе. К лешему такую любовь!»

Герда хандрила ещё больше. А сегодняшним вечером бы-

ла вообще не в духе.

– Зря тебя послушала, – то и дело бурчала она. – Газ это был, я теперь уверена.

– Ты же сама тогда сказала, что с Эдгаром что-то не так! – возмутилась Ниенна.

– Ну, может, и вправду устал. Сейчас-то нормально всё. – И вдруг зарумянилась: – Он меня на свидание вечером пригласил.

Некромансерка как раз заканчивала присыпать рыхлой землей вылезшие корешки. От услышанного садовая лопатка её зависла в воздухе.

– Ты ума лишилась? Он же бабник, каких мало! Зачем тебе такой парень? Забудет через сутки и найдет другую!

Герда вскочила на ноги. Глаза валькирии потемнели от гнева.

– А вот и нет! Я ему давно нравлюсь, сам сказал! И букетище лилий два дня назад приволок, дорогуших, как зараза! Голубые, в оранжевую крапушку, точно такие же в тропическом углу у наставницы Полины цветут. Говорят, их только в трех лавках в городе можно достать. Эдгар так старался, а ты... даже порадоваться за меня не можешь!

И, прежде чем Ниенна успела сказать хоть слово, Герда презрительно скривила губы:

– Ты просто завидуешь, вот чего. Носишься со своим девичеством, как курица с яйцом, на нормальных парней внимания не обращаешь. Вот и сиди в компостной куче, пока

Умертвйй тебя не простит. А наш магистр Рейван нормальный, он сразу сказал, что к земле мне привыкать по возрасту рановато и ну их к черту, эти воспитательные работы! Хочешь – ковырайся тут до второго пришествия Всеблагого Левиа, а с меня хватит!

И, круто развернувшись на пятках, ушла. Только светлая длинная коса в воздух взвилась да по спине уходившую хлопнула.

Ниенна так и осталась сидеть на карачках в зарослях мандрагоры, с дурацким совочком в руке. Слезы горечи и обиды струились по щекам.

«Была у меня подруга да сплыла. С чего я решила, что вообще имела для неё хоть какое-то значение? Просто потому, что очень хотелось быть для кого-то важной и нужной?»

Некромансерка поревела минут пять, не больше. В конце концов, она графская дочь, а не дурная деревенская баба, что не может взять себя в руки! Затем стиснула зубы и поползла дальше, с яростью взрыхляя грядки, будто они были виноваты в её проблемах.

И сама не заметила, как добралась до края оранжереи, где под яркими кристаллами дневного света качались те самые антуриумы, словно насмешка судьбы. О ужас, с такого ракурса они и правда были похожи на задницу с чем-то совсем неприличным посередине.

«Да чтоб вы завяли и сгнили одновременно! – клокотало у Ниенны внутри. Очень хотелось высосать жизнь из цветов

до капли, но какая-то частица разума протестовала. В самом деле, разве растения виноваты в том, что она совершенно не разбирается в людях?

«Уйду из Академии. Переведусь в другую, подальше от всех этих историй с дивным эльфовским привкусом...»

За спиной раздалися шаги.

– Любуешься красотой? – ласково спросила наставница Полина, полноватая кудрявая женщина. – Прекрасно тебя понимаю. Удивительный цветок, хоть и с весьма тяжелой историей.

– Знаю, – кивнула Ниенна. – Эльфы его использовали, чтобы превращаться в людей и шпионить во время войны, а также совершать различные диверсии...

– Не только в людей. И не только превращаться. Отвар из лепестков антуриума способен усилить их магию. Пусть на несколько часов, но и это не раз играло во время войны роковую роль. Они же, негодяи, могут всеми тремя Стихиями повелевать: Жизнью, Смертью и Яростью, то есть боевыми чарами. Представляешь, что будет, если усилить их потенциал?

Ниенна замерла, даже не чувствуя, что стоит коленками едва ли не в навозной куче.

– Представляю, – внезапно охрипшим голосом сказала она. – А люди ведь так не могут, да?

– Не могут, моя дорогая, нам не дано смешивать Стихии. Можно накачаться эликсирами под завязку, но зачем? Ов-

чинка выделки не стоит, плюс итогом станет смерть от истощения ауры. Гораздо проще усилить имеющуюся магию. Помнишь кубок, который ты взяла в гонках по лесу и на скалах?

Еще бы Ниенна не помнила! Лучше бы она в тот день сказалась больной и никуда не пошла!

– Если из него выпить даже простой родниковой воды, сила вырастет на порядок. Правда, ненадолго и итог, скорее всего, окажется плачевным. Может, и не умрешь, но болеть будешь, а то и насовсем здоровье угробишь. Вон, магистр Геррий попробовал однажды в одиночку упокоить буйное кладбище, отпил оттуда водицы. Теперь, как видишь, сидит в морге, перекладывает трупные органы с место на место, магический потенциал почти на нуле. Жалко его, бедолагу, да что поделать... Кстати! – спохватилась магистр Полина. – Зайдет девочка-целительница за лекарством для него, передашь ей, хорошо? На нижней полке стеллажа около тропического уголка найдешь два флакона.

– Это где голубые лилии в оранжевую крапушку растут? – вспомнила Ниенна. – Те самые, дорогие, которые только в трех лавках Ахенбурга есть? Герда хвасталась, что ей парень букет подарил.

– Наверняка крашенные, чтобы цену побольше содрать, – фыркнула наставница. – Не понимаю я эту моду на всякую опасную дрянь, но девицы, говорят, млеют... Настоящие тигровые лилии ядовиты, они потихоньку лишают мага его

ментальной силы, а затем и физической. И разум дурманят: как обладатель букета его аромат вдохнет, так и пиши пропа-ло, реально поверит, что влюблен... Они запрещены к про-даже, нарушение карается смертной казнью. Так передашь лекарство, хорошо? Я побегу, на лекцию к целителям опаз-дываю.

И торопливо скрылась за стеклянной дверью. Ниенна осталась стоять на коленях с опостылевшим совком в руках. Ледяной ужас сковал её от макушки до пят.

Герда никогда в жизни бы не связалась с похабником, что увлекает девчонок покупками в дорогих цветочных лавках. Не устроила бы подруге истерику в стиле бабьей ревности. И уж скорее откусила бы себе язык, чем произнесла это сла-щавое слово «крапушка»!

Лилии были настоящими, самыми что ни на есть тигро-выми. Вот только где их взял Эдгар? Не от тех ли эльфов, что притворялись наставниками? И зачем ему Герда?

Надо бежать за помощью. Сердце гулко билось в груди, разгоняя кровь, но Ниенна продолжала стоять на коленях, опустив голову и едва не плача от отчаяния. Куда бежать, к кому? Врагом может оказаться любой. Почему не сработало зелье, убивающее наведенную личину? Где скрываются ост-роухие? Среди конюшенных слуг? Среди поваров или распо-рядителей? А мантии боевиков они откуда взяли? Обокрали кастеляншу? А если и она с ними заодно?

Ниенна с трудом поднялась на ноги, когда за дверью раз-

дались едва слышимые шаги.

– А, вот ты где! – радостно воскликнула Азали. – Это у тебя я должна забрать лекарства для магистра Герия?

– У меня, – кивнула Ниенна. Нельзя показывать виду, вдруг и рыжеволосая целительница тайно служит врагам? – Два каких-то флакона. Пойдём со мной, посмотришь, что там.

– А я и так знаю, – улыбнулась Азали, шагая следом. – В одном настойка от кашля, магистр Герий её уже который год употребляет. Дрянь несусветная, рецепт ещё остроухие придумали, варится из белладонны и красавки. Убойная смесь получается! У неё вдобавок мерзкий побочный эффект есть: со временем ни одно из нейтрализующих заклятий или зелий не будет действовать. Представляешь, если отравят или внешность насильно изменят? Мы так на первом курсе хотели над Эдгаром подшутить, в бабу превратить, да подумали – ну его к лешему, ещё в пропорциях ошибемся и не вернётся он в старое тело...

Ниенна так резко остановилась, что рыжая целительница едва не сшибла её с ног.

– А второе зелье какое? Не из антуриума, что боль приглушает?

– Из него самого, – с восхищением взглянула на неё Азали. – Ты так хорошо травы знаешь! Зря к нам на факультет не пошла. Только магистр не для себя этот настой берет.

– А для кого?

– Не поверишь, – девушка расхохоталась. – Для крокодила своего. В смысле, ящера. Уж не знаю, что там у этой скотины может болеть, но жрёт она настой исправно уже пару лет, половины ведра едва на неделю хватает... Эй, что у тебя с лицом?

– Да немеет чего-то, никак нерв застудила. Зайду попозже в лазарет, – медленно сказала Ниенна.

Но когда за целительницей закрылась дверь, Ниенна бросила совок и рванула к противоположному выходу. Мысли, как живые, лихорадочно сустились в черепной коробке, пытаясь выбраться наружу. Казалось, голова вот-вот лопнет.

Одна против двух замаскированных остроухих и невесть сколькерых помощников, что служат злу! Возможно, сами того не подозревая. Герда в беде, это точно. Время терять нельзя. Но что делать глупой адептке-первокурснице? Бежать к декану? А если и он тоже?.. Взывать о помощи к призрачной герцогине? Но какой с неё толк, она лишь пугает, но не умеет драться!

Ниенна бежала вперед по скудно освещенным коридорам, не разбирая дороги, и препятствия не заметила. Очнулась, лишь влетев носом в оружейную перевязь, висящую на чьей-то могучей груди.

– Девочка, ты лишилась разума? – рявкнуло препятствие голосом декана Рейвана и схватило её за плечи. – Или надышалась дурмана в той клятой оранжерее? Говорил я Удмертию, не надо вас туда посылать! Ну, глупость сделали, так

и правильно: нечего притворством заниматься, личины всяческие на внешность накладывать. Нашли развлечение! Ещё бы рога себе вырастили на лбу и хвост на жопе!

И Ниенна не выдержала – заревела в три ручья и снова уткнулась носом в грудь магистра боевых искусств.

– Точно полоумная, – сердито пробурчал он, но отшатыраться не стал, лишь напрягся. – Или кто из дуболомов моих над тобой поизмывался, над птенчиком неразумным? Только скажи, я его в козла превращу и скормлю в лесу иглобрюхам!

– Не-е-ет, – провыла некромансерка, всё сильнее цепляясь за наставника и с облегчением понимая: нет на нем никаких воздействий и заклинаний. И если уж он и употребляет эликсиры, то явно не те, о которых говорила Азали. – Беда у нас, декан Рейван! Эльфы в Академии, спрятались под личиной магистра Герия и его ящера! Они Эдгара заколдовали, я сама видела! Под мантиями скрывались, я сразу не поняла, потому и признаться боялась, только Герде сказала... А потом ей Эдгар тигровые лилии подарил, которые сил лишают и разум дурманят, и на свидание увел, а она сама не своя была...

Боевик дураком не был и военную историю родного государства знал отлично, поэтому замер как вкопанный. Только желваки на скулах заиграли.

– Сегодня Алое полнолуние, бывает раз в году, – выдохнул он наконец. – Священное для остроухих время, когда мож-

но без труда ходить между мирами. А Герда – самая сильная девчонка на боевом факультете, она и парням фору даст, живучая и крепкая, выносливая...

Они одновременно взглянули в узкое окошко под самым потолком, где ехидно подмигивало наливающееся кровью ночное светило, и хором ахнули:

– Жертвоприношение!

Ниенна едва не упала, так задрожали колени.

– Они хотят вытащить свою богиню в наш мир и отдать ей тело Герды? А Эдгара использовали как пособника и теперь в жертву принесут?

– Ничему не удивлюсь, – скрипнул зубами наставник. – За мной. И по пути рассказывай всё, что видела и знаешь!

Они торопливо прошагали в конец коридора, спустились на один пролет и очутились в зале столовой. Здесь магистр Рейван щелкнул пальцами и вызвал сноп огненных искр. Те мигом увеличились в размерах и превратились в сигнальных дракончиков, разлетевшихся во все стороны.

– Они, скорее всего, в той пещере в Миреновых скалах, где кубок был спрятан. Там у остроухих шесть с половиной сотен лет назад был алтарь для жертвоприношений. Я созываю своих парней. Удмертий идет со мной.

Маг снова сорвался с места и побежал к дверям, Ниенна едва за ним поспевала.

– Погодите, магистр Рейван, а как же я? – закричала она. – Я тоже хочу помочь!

Боевик остановился и задумчиво посмотрел на мелкую пигалицу сверху вниз.

– Конечно, поможешь, пташка. Тем, что посидишь спокойно у меня в комнате и не будешь путаться под ногами. Там сейчас самое безопасное место. Ты молодец, очень нам помогла, но кровавая бойня – не место для хорошеньких лялечек-первокурсниц.

И не успела Ниенна открыть рот для возражения, как её приподняло красным полыхающим вихрем и утянуло куда-то в потолок. Последнее, что она слышала, это усиленный заклятием рёв наставника: «Боевая готовность номер один! Повторяю, всем собраться во дворе Академии, вооруженным по первому разряду, с защитой от эльфовских чар! Каждому взять с собой не менее пяти накопителей силы с расчетом на одного мага...»

Часы на башне факультета некромансеров пробили полночь, но Ниенна не находила себе места от тревоги и потому не собиралась спать. Перемерила вдоль и поперек комнату магистра Рейвана, считая шаги: двадцать – вдоль стены с огромным шкафом, десять – мимо крепко сбитой деревянной кровати с плоским матрасом, ещё двадцать – мимо письменного стола и к большому окну.

Двор будто вымер, только над оградой реяло зеленова-то-красное марево. Защита и от живых существ, и от мёртвых, пришедших с враждебными помыслами.

– Ты бы присела, – сочувственно шепнула мерцающая под потолком призрачная герцогиня. – Утомишься только зазря.

– Да как я могу? – рывкнула некромансерка. Вышло едва ли не суровее рыка декана боевого факультета. – Их там уже, может, убили всех! А я здесь, как в клетке! И даже если сейчас сбегу, просто не успею добраться до пещер пешком по ночному лесу!

– Даже если успеешь, что ты сделаешь? Драться не умеешь, магической силы в тебе немного. Разве что эльфов неприличными выражениями обругаешь, вместе с их богиней. И то поможет ненадолго.

– В самом деле, поможет? – усмехнулась Ниенна.

– В их случае – да. Остроухие произошли от лесных духов, которым поклоняются до сих пор. А те не любят нецензурную брань. Вас наверняка учили в лесу не ругаться: мол, леший заведет...

– Учили, – кивнула девушка. – Но я думала, это бабкины сказки.

Сидеть с призрачной Инессой было не так тоскливо, и Ниенна невольно отвлеклась. Но как только снова взглянула в окно, тревога усилилась.

Что-то было не так. Не из-за драки с остроухими, не из-за возможной гибели товарищей и преподавателей. Нечто тяжелое, не злое, но темное, ворочалось под ногами, глухо стонало и плакало. Ушами эти звуки расслышать невозможно, но сердце и разум их чувствовали и бесновались.

– Госпожа де Монсельон, вы ничего не ощущаете? Мне как-то не по себе.

– Это земле под нами не по себе, девочка моя. Слишком уж много крови невинных людей и нелюдей в этих краях пролили, а похоронить их и провести за грань, как положено, никто не удосужился. Как думаешь, что будут чувствовать сотни неуспокоенных душ при приближении потомков своих мучителей?

Пальцы Ниенны сами собой сжались в кулаки:

– Я бы на их месте захотела отомстить.

– Они и хотят. Вот только надо вывести их отсюда, а до этого – хоть немного плотности придать, энергию свою влить. Но тут сила мага минимум третьей степени нужна. Или же эликсирами под завязку накачаться, но... сама знаешь, как это опасно.

– Опасно? – так и взвилась некромансерка. – А подружке моей валяться на каменном алтаре в роли жертвы-носительницы для духа чокнутой богини не опасно? А адептам, что ушли сражаться, не проучившись и половины срока, не опасно? А целительницам, которые тяжелее скальпеля оружия в руках не держали?

Ярость заклубилась в горле, не давая дышать. И именно в это мгновение Ниенна краем сознания услышала жалобный детский плач. Она бегом ринулась к окну и распахнула ставни.

Комната магистра Рейвана располагалась на втором эта-

же. К ней примыкал изящный балкон, обвитый плющом. В любое другое время Ниенна восхитилась бы его красотой, но сейчас даже не заметила лаковых, влажных после дождя листьев и дивного цветочного аромата, наполнявшего ночной воздух.

Прямо перед ней, сидя на самом краю, всхлипывал полупрозрачный мальчик лет шести и вытирал заплаканное лицо ладошкой правой руки. Вместо левой из оторванного рукава торчала обезображенная культя. Призрачная, но выглядящая не менее жутко, чем живая.

– Малыш, – шепотом позвала Ниенна. – Ты откуда? Тебя как зовут?

Мальчик поднял голову, и девушка увидела растерянный взгляд, курносый нос на бледном личике и щёки, обильно покрытые веснушками.

Нет, поняла она, приглядевшись. Это не веснушки – ожоги, нанесенные раскаленным железным прутом.

– Отсюда, – шепнул в ответ малыш и махнул уцелевшей рукой в сторону. – Меня там долго мучили, и я плакал. А потом умер.

Он снова всхлипнул.

– Меня звать Ленок, а маму мою – Оляна. Она говорила, что после смерти нас Всеблагий Левий заберет на небушко, где послушные детки живут в новом домике, у них много игрушек и есть даже пирожные на завтрак. Но я вел себя хорошо, а на небушко почему-то не попал. И Вилкин не попал,

это друг мой, он орка. Он тоже маму слушал и кушал всё-всё, что дадут, даже капусту. Но и его не забрали. И маму его не забрали, хотя её мучили больше всех. И Рудика из дворфов, хотя он даже плакать в конце не мог...

Ниенна тяжело привалилась к оконной раме.

– И много вас тут таких, малыш?

– Много. И большие совсем, и маленькие. Только мы боимся сильно. Злые дядьки и тетki опять пришли, будут нас мучить...

– Но там наши преподаватели. Они обязательно победят, они сильные!

– Не победят, – покачал головой Ленок. – Они уже почти проиграли. Злые остроухие дядьки через дырку сияющую пришли, их там много. Пуляются штуками, которые двигаться мешают. А один, самый страшный, требует всех в живых оставить, говорит, в жертву принесем... Как нас, наверное.

Сердце человека очень сильное, ведь оно состоит из живого куска плоти. И, видят боги, Ниенна была сейчас этому рада. Будь оно хрустальным, как у чародеев в страшных сказках, неминуемо треснуло бы и разлетелось на куски от невыносимого горя.

Наверное, её старые няньки обязательно попытались бы успокоить мальчишку и остальных застрявших между мирами замученных существ. А ещё предложили бы молиться богам, вдруг они всё же услышат и вмешаются?

Ниенна знала, что это не сработает. Если и оставались в

мире какие-то боги, то со слухом у них был явный непорядок, раз они вообще допустили такое паскудство. Да и меньше всего сейчас мальчишка без руки нуждался в утешении, как и его товарищи по несчастью. Нет, им нужно было совсем другое.

Ниенна шагнула вперед и осторожно погладила мальчонку по тому месту, где начиналось плечо.

– Не бойся, маленький. Мы просто сейчас пойдём и убьем их всех.

– Все-е-ех? – ахнул Ленок. – Но они же жутко злые!

– А я жутко страшная некромансерка и поднимаю из земли мертвецов, – подмигнула ему Ниенна. – И никого не боюсь. А раз я не боюсь, то и тебе не стоит. Ну что, пойдёшь со мной? А друзья твои пойдут?

– Пойдут, – тихо шепнул Ленок, словно не веря её словам. А потом вдруг радостно завопил, как сорванец-хулиган: – Пойду-у-у-ут!

И рванул наружу в темноту. А Ниенна – наоборот, в комнату.

– Эликсиры усиления, – бормотала она, с остервенением роясь в шкафу декана Рейвана. – Эликсиры, мать его, должны же быть! Или кристаллы. Хоть что-то!

Она сдвинула стопку запыленных учебников по истории магии – и смущенно хихикнула, увидев спрятанный за ними тончайший корсет ручной работы, расшитый листьями всех оттенков зеленого и золотого. Пикантная деталь жен-

ского гардероба была аккуратно перевязана кожаным шнурком от плети-многохвостки. Весьма неожиданно было увидеть подобное в шкафу сурового декана боевого факультета.

– Дриады-то, поди, магистра нашего в плену держали не совсем против его воли.

– То-то и оно. Боевой маг его уровня сбежал бы от лесных баб уже на второй месяц, подпалив вдобавок священную рощу от края до края, – лукаво заметила герцогиня. – Но ты не туда смотришь, девочка. Глянь наверх.

Ниенна глянула.

Внутри, у самой стенки шкафа, на небольшой подставке сверкал золотым бочком кубок. Тот самый, который они искали в пещерах.

– Посудина, говорят, волшебная, – многозначительно подняла брови Инесса де Монсельон. – А вон в том милом бочонке, замаскированном под вазу, декан Рейван хранит березовый сок. Недавно как раз заливал его доверху. Но берегись, девочка. Кто из кубка этого отопьет, прежним уже не будет. Сила увеличится в десять раз, но и цена за это будет немалая.

– Не больше, чем цена жизни нескольких десятков адептов, наставников и моей подруги, – пожала плечами некромансерка. – К тому же остроухие нас всё равно запытают, если победят. Лучше уж в бою сгинуть. А с увеличенной силой я подниму и уплотню всех замученных людей и нелюдей. Если же в итоге погибну, то...

– Я поделюсь с тобой меховым одеялом, – печально и ласково вздохнула герцогиня. – Вижу, ты уже всё решила и отговаривать тебя бесполезно. Что ж, поднимай и уплотняй заодно и моего коня. На нём ты быстрее доскачешь до пещер.

Магистр Рейван, до принятия под крыло целого боевого факультета, служил в королевской армии. Был офицером, не знающим страха, бил без устали, без промаха, и сила горела в его руках, полыхала огнем, сверкала молниями, сжигая противников дотла. Он не боялся ничего, ни на том свете, ни на этом.

Но с эльфами воевал первый раз в жизни. И сейчас липкий, холодящий ужас полз по спине, перехватывал охрипшее от чтения заклинаний горло. Эликсиры иссякли, артефакты были разряжены в ноль, зато проклятые остроухие никак не кончались. А чародейский батальон короля Александра V запаздывал с помощью...

– Как они провернули подобную диверсию у нас под носом? – то и дело вскрикивал декан некромансерского факультета магистр Удмертий. Его красная мантия была покрыта грязью, ухоженные седые волосы болтались слипшимися от жирной копоты сосульками.

– Какая уже, к едреной матери, разница? – проорал в ответ боевик.

Они едва успели – свалились из телепорта прямо на толпу остроухих в мантиях боевиков, что стояли вокруг полураз-

валившегося каменного алтаря, на котором бок о бок лежали Герда и Эдгар, опоенные эликсирами едва не до беспамятства. Их даже связывать не понадобилось. Видимо, жертвой для открытия врат должен был стать именно старшекурсник, победивший в состязаниях, а значит, самый крепкий и выносливый.

Тело Герды же, судя по всему, действительно предназначалась в качестве сосуда, подходящего проклятой ТридаMAT.

Рейван не растерялся, гаркнул заклинание, окатившее врагов огненной волной, а пока те с воплями сбивали пламя с мантий, успел схватить девчонку в охапку и ринуться к выходу. Следом бежала боевая тройка Альбрехта, унося на плечах полуживого товарища. Один из остроухих, злобно сверкая раскосыми зелеными глазищами, попытался загородить им дорогу, но декан целительского факультета Левия махнула рукой в его сторону и сжала пальцы в кулак. Эльф схватился за сердце и с хрипом повалился на каменный пол.

Они почти успели, да. Выскочили из пещеры и ринулись к лесу – два с лишним десятка боевиков, семеро целителей, трое некромансеров.

Но тут из-за деревьев вышел магистр Герий, с издевательской ухмылкой щелкнул пальцами – и разверзлись самые натуральные бездны ада.

Всё вокруг горело и полыхало, причем пламя было не оранжевым, а ядовито-зеленым и ничем привычным не тушилось. Адепты кашляли, задыхались, падали без сил. Са-

мые сообразительные натянули на носы шарфы и шейные платки, но это почти не помогало. Вот закричала Левия, ноги которой захлестнула странная, словно ожившая лоза. Миг – и целительница взмыла в густую крону высоченной сосны.

– Они не убивают нас... почему-то, – прохрипел Альбрехт, судорожно сжимая тело висящего на плече Эдгара.

– Им жертвы нужны, – ответил осипшим голосом магистр Удмертий. – Эльфовская богиня не сразу войдет в тело девочки, ей сперва надо напиться ужасом, пролить много крови...

– Дерьмо, – выругался старшекурсник. – Да я лучше сам себе горло вскрою, чем ждать, пока бешеная остроухая баба меня...

Дикий крик, похожий на слаженный вопль десятка баньши, всколыхнул окрестности. Целители повалились на землю, зажимая уши, боевики и некромансеры оказались покрепче, но на ногах не устоял практически никто.

В небе, прямо над головами собравшихся, расползся в стороны портал, из которого вывалилась призрачная уродина, похожая на огромную птицу с человеческой головой. Только у головы были острые уши и торчащая в разные стороны копна белесых волос.

Декан Рейван не успел даже понять, что произошло, как его подхватил и отшвырнул в сторону неожиданный вихрь. Лететь оказалось недалеко – до ближайшего валуна. Хрустнули ребра, затылок обожгла резкая боль, в глазах потемне-

ло. Он силился встать, но не мог и лишь бестолково хрипел, ворочаясь в измятой траве. Рядом задышался Удмертий, судорожно вцепившись руками себе в горло.

Герда осталась валяться в центре поляны. Ядовито-зеленое пламя полыхало вокруг девицы, отражаясь в её глазах, полных слёз. Она могла разве что с трудом держать голову, бессильно наблюдая, как сверху на неё спускается смерть.

А затем дрогнула земля. Раз, другой. Закачались деревья, из ветвей ближайшей сосны снова раздался вопль магистра Леви. Закричали и остроухие, разбегаясь в стороны от внезапно взлетевших в воздух комков грязи и дерна. Самый упорный из эльфов выхватил кинжал и махнул острием почти перед носом ошарашенного Альбрехта, но лезвие вдруг остановилось в воздухе.

Между боевиком, держащим товарища на плече, и остроухим из земли поднимался призрак женщины в когда-то дорогом, а теперь висевшем рваными лохмотьями платье. У дамы была сожжена до кости половина лица, но её это совершенно не волновало.

– Убрал свою остроухую харю от мальчиков! – рявкнула она удивительно звонким голосом.

Следом за ней прямо из травы вставали новые и новые призраки. Мужчины и женщины, дети и взрослые. Орки, люди, дриады, бородатые дворфы, полурослики, тоненькие ундины, жительницы морских глубин... Плотным кольцом они обступали барахтающихся в траве адептов, не подпуская к

ним врагов.

Магистр Рейван протер глаза. Осенил себя знаком Всеблагого Левия, а когда и это не помогло – прочитал короткую молитву, на всякий случай.

– Где ж я так нагрешил, что перед смертью вижу кучу привидений?! – ошарашенно спросил декан Удмертий.

– Ох, ну я-то знаю, где нагрешил, – в тон ему ответил Рейван. – Но ты, старая сутулая девственница, где умудрился оступиться?

Ответом от оскорбленного некромансера была такая виетиеватая, а главное – эталонно рифмующаяся со словом «где» фраза, что боевик поперхнулся от смеха и закашлялся. А когда снова поднял голову, то увидел выскочившего из леса призрачного коня. А вот седока необычный скакун нёс самого что ни на есть живого. Только аура его полыхала яростным фиолетовым, как у сильнейших магов смерти.

– А ну, пошла прочь от моей подруги! – разнесся над поляной знакомый до боли тонкий девичий голос

Некромансерка-первокурсница Ниенна Антарская, которую дуболомы Рейвана за глаза называли не иначе, как «сладенькой лялечкой» и недотрогой, соскочила со спины потусторонней скотины, встала над полуживой Гердой и, не чинясь, показала в небо два оттопыренных средних пальца. А затем из её хорошеньких, идеально очерченных губ полилась речь, которой удивились бы и вышибалы в самых захудалых трактирах.

– Я что-то недопонял, – смущенно кашлянул Альбрехт. – Прабабка той эльфовской богини с кем якобы кувыркалась?

– А шут его знает, я только уборщика нужников запомнил и слона с Камарских островов, – подал голос очнувшийся Эдгар.

– Погодите, а лысый иглобрюх тут при чем? – удивился магистр Удмертий, лежащий рядом с деканом боевого факультета.

– Я тебе потом объясню, безгрешный ты наш, – тяжело вздохнул Рейван. – Если выживем.

Тварь визжала, словно недорезанный поросенок, мотала уродливой башкой, но приблизиться не могла. Что ей мешало, Ниенна не понимала, но так ли это важно перед лицом жизни и смерти?

Одно она знала точно: во времена, когда сын садовника Аксель учил замковых служанок целоваться, она не прогадала, попросив друга научить её кое-чему другому. Толку-то от лобзаний, о которых с придыханием шепчутся глупые девки! А вот острое и емкое слово, как известно, не воробей: вылетит и приложит по голове, мало не покажется!

Вопящая уродина полосовала когтями воздух, становясь всё плотнее и плотнее. Но спуститься вниз и добраться до лежащей на земле жертвы Тридамат не могла. Мешала настыр-ная мелкая девка, изрыгающая поносные слова, от которых невыносимо болели уши. Мешали снова начавшие пулять-

ся огненными шарами и ледяными стрелами чумазы боевики, которым краткая заминка в битве дала возможность перевести дыхание. Но больше всего мешали сомкнутые, плечом к плечу, ряды неупокоенных душ, которые тоже становились плотнее с каждой секундой. Они ничего не делали, просто стояли, заслоняя собой магов, и не давали её войску пробраться к жалким людишкам, чтобы пустить им кровь во славу Её нового бытия. И ярость полыхала в них, как в живых, и от этой всепроникающей мощи некуда было спрятаться. Тридамат кричала, хлопала крыльями, и сила её утекала, как песок, сквозь время и пространство, и тянул назад полыхающий в небе портал...

...Ниенна не знала, наступил ли рассвет или до него ещё целая ночь. Перед глазами стояла непроглядная ядовитая тьма, голова кружилась, во рту появился солоноватый привкус. Она пошатнулась и сплюнула на траву ярко-алым.

Но жарким теплом дышала подруга, привалившаяся к её ногам. И мальчик, маленький Ленок, держал её уцелевшей рукой за ладонь. И пальчики его были крепкими и упругими, почти как у живого.

– Ты отведешь меня к дому с игрушками? – тихо спросил он, пока уродливая Тридамат отчаянно сопротивлялась урагану, что втягивал её назад в портал между мирами.

– Отведу, малыш, – с трудом прохрипела Ниенна. – Конечно, отведу.

– А пирожные там будут?

– Будут, маленький. И ручка новая вырастет.

– А можно я не буду больше есть капусту? – рыкнул сбоку ещё один ребёнок. Кажется, зеленоватый и с клыками, но Ниенна доподлинно поручиться не могла – перед глазами всё плыло.

– А чего ты хочешь?

– Мяса хочу, – шмыгнул носом паренек. – Много мяса. И чтобы глаза новые выросли. И чтобы мама вернулась.

– Как хочешь, так и будет, – пообещала некромансерка. – И маму вернем.

Ждать больше нельзя. Действие сока из золотого кубка кончалось, отнимая последние крохи магии.

Надо успеть, пока следом не потянулась аура, неприкосновенный запас жизненной силы и здоровья. Должно хватить на воплощение задуманного, если не тратить время на глупые молитвы оглохшим богам.

Декан боевого факультета магистр Рейван с трудом поднялся на ноги и протер глаза. Уродливая полуптица-полужельфка скрылась в ядовито-черной дыре портала, которая тут же истаяла в светлеющих небесах. Адепты заканчивали скручивать и вязать уцелевших остроухих. Рядом тяжело дышал магистр Удмертий.

А в рассветных лучах восходящего солнца поднимались в небо сотни фантомов. Мужчины и женщины, дети и взрос-

лые. Орки, полурослики, бородатые дворфы, ясноглазые морские ундины. Люди в изорванных одеждах.

Все они словно светились изнутри, качаясь в воздушных потоках в такт тихой, нежной песне.

Декан Рейван похолодел, услышав слова.

– Прими в обитель твою, о Милосердная Мать, убитых и павших, утри их горькие слёзы, избавь от страданий, воздай благодатью за все истязания. Смилуйся, Милосердная Мать, пошли им забвение жизни старой, подари покой, которого они так долго искали, – старательно выводил девичий голосок.

– Что она делает?! – ахнул рядом Удмертий. – Что она делает, эта маленькая безумная девчонка? Она же знает, что молиться напрямую Смерти опасно для неподготовленного мага!

– То, что мы, магистры всех пяти академий, должны были сделать уже давно, – сжал зубы боевик. – И то, с чем нам теперь придется жить, не наложив на себя руки от позора.

Солнце окончательно взошло, когда последний призрачный мальчишка растворился в нависшем над лесом розоватом облачке. Золотые лучи осветили покрытую пеплом и копотью поляну, едва живых от усталости чародеев, связанных и валяющихся в траве эльфов, которых оказалось не меньше пяти десятков, декана целителей Левию, что с трудом спустилась с сосны и теперь брела к своим ученикам, прихрамывая и чертыхаясь.

Но те не обращали на наставницу никакого внимания. Они стояли в центре поляны, растерянные, опустошенные, скованные навалившимся отчаянием сильнее, чем любыми цепями.

У их ног ревела навзрыд рослая девчонка в униформе боевика, с исцарапанным лицом и растрепанной светлой косой. К груди она прижимала хрупкое девичье тельце в разорванном балахоне некромансера-первокурсника. На тоненькое личико, бледное, как молоко, падала копна совершенно седых волос.

Ниенна помнила яркий свет, ласкающий и зовущий. Как качалась на невидимых волнах и смеялась, как парила, раскинув руки, словно во снах из раннего детства. Рядом летел Ленок, тоже растопырив в стороны ладошки – обе, целые. По другую сторону болтал ногами и заливисто хохотал зеленокожий клыкастый мальчишка, кувыркался в потоках света, щекотал толстенские пятки смешного дворфика, летевшего впереди. Тот лягался и довольно визжал, улыбаясь во весь свой щербатый рот.

– У меня жуб новый вылос! – прокричал маленький дворф и ринулся вперед, к возникшим прямо в пустоте сияющим воротам.

И мальчишки вместе с вереницей других призраков, обретших яркость и плотность, скрылись за узорчатыми створками.

А Ниенна осталась.

– Рано тебе, девочка, – шепнул чей-то ласковый голос, и казалось, он звучал в пространстве со всех сторон. – Ты ещё достойно послужишь мне и совершишь немало деяний в мою славу. Возвращайся и помни – потом станет легче.

А затем неведомая сила подхватила её, резко и болезненно, словно клещами, и потянула назад. И трещал мир, разваливаясь на части, и земля горела под ногами, и огонь сжигал её дотла, и кости осыпались прахом. И Ниенна плакала и кричала, но никто не слышал, ведь у неё больше не было ни голоса, ни слёз.

И лишь слова, зародившиеся в крохотной точке разума, выходили в бушующий первородный океан, обретали жизнь и ярость, которая по силе не могла сравниться ни с чем. И летели они от края до края Вселенной, наполняя пустое пространство звуками и голосами.

– Заразаааа... Как же больно...

И треснувший мир вновь сросся в единое целое.

Ниенна лежала головой на чем-то мягком, слегка покачивающемся. Теплые пальцы осторожно гладили её по волосам.

– Очнулась? – шепнул рядом тревожный голос.

– Просыпается, – ответил другой, прямо над её головой.

Ниенна открыла глаза и увидела перед собой обольстительную девичью грудь, обтянутую лишь тоненькой рубашкой.

– Однако, – пробормотала она. – Подобное зрелище – не совсем то, с чего бы я хотела начинать возвращение в жизнь, но определенно впечатляет.

– Балда, – всхлипнула обладательница груди и обняла её ещё крепче.

Ниенна попыталась улыбнуться и поняла, что губы иссушены.

– Герда... – лишь шепнула она с облегчением. – Азали...
Вы живы.

– И ты жива, птишка. Это самое главное. А остальное мы преодолеем.

Едва Ниенна открыла рот, чтобы спросить, о каких преодолениях идет речь, как раздались торопливые шаги, а затем женский визг:

– Адептка Герда Сигердоттир! Вы зачем залезли в постель к больной, ещё и в одном исподнем?! Вы что себе позволяете, у нас приличный лазарет!

– Тьфу, дура, – тихонько скрипнула зубами Герда. И ележным голоском ответила: – Целительница Амалия, доведу до вашего сведения, что ваш младший сын, адепт факультета боевых искусств, два года назад потерял невинность именно со мной. Не знаю уж, к прискорбию вам эта новость или к радости, но как есть. Сообщаю лишь для того, чтобы показать: ваши намеки омерзительны. А Ниенне нужно тепло, сами знаете, её необходимо греть днем и ночью, чтобы очнулась скорее.

– И нет, кристаллы, эликсиры и грелки не годятся, наставница Левия так и сказала, – выразительно подвигала бровями Азали. – Если бы вы чаще проводывали больных, то знали бы, что мы тут днюем и ночуем по очереди уже вторую неделю.

Целительница Амалия, неопрятная толстая баба, побагровела от злости. Но сказать было нечего, поэтому она развернулась и ушла, бросив на ходу:

– Кормить её тоже сами будете! Мне некогда.

– И будем, – Герда показала ей вслед неприличную комбинацию из трех пальцев, как только за теткой захлопнулась дверь. – А потом в баню отнесем: косточки прогреть на деревянной полке – самое то...

– Погодите, кто меня грел? – спохватилась Ниенна, проводя пальцами по волосам. Какие-то суховатые, грязные.

– Мы и ещё девчонки с нашего факультета, – объяснила Азали и, не дожидаясь расспросов, фыркнула: – Парни тоже просились, но мы их выгнали. Знаю я, как они согреть могут. Навещали только под нашим присмотром. Пирожные коробками таскали, я их в ледяной угол отнесла, чтобы не пропали. Тебе ж теперь всегда есть надо будет много.

– Почему всегда? – удивилась Ниенна. – Я сколько лежала без сознания, неделю? Через месяц, наверное, окрепну, как раньше.

Валькирия с целительницей мигом отвели взгляд, и Герда, кряхтя, начала выбираться из кровати:

– Знаешь, птишка, лучше ты эту новость от нас узнаешь, чем от наставников. И сильно не переживай, мы всё уже продумали, жить с этим тоже можно.

И со вздохом сунула некромансерке в руки узорчатое зеркальце.

Несколько мгновений Ниенна тупо смотрела на свое отражение, а затем расплакалась.

Декан Особого факультета явился буквально через пару минут, едва прознал, что первокурсница очнулась и теперь ревет так, что сотрясаются стены лазарета.

– Полно тебе, девочка, – бормотал он, успокаивающе гладя её по плечу. – Главное, сила вернется со временем. Ты молодая, потихоньку восстановишься. Вот есть тебе действительно придётся много и всю жизнь, чтобы энергией тело обеспечивать. А с другой стороны – сохранишь молодость фигуры до конца дней, любая баба тебе бы сейчас отчаянно позавидовала...

– Позавидовала? – рыдала Ниенна в три ручья, уткнувшись носом в подушку. – Да пусть забирает себе и молодость, и всё на свете! Я старая! И страшная! Меня такую не полюбит никто!

– Да почему никто? – возмутилась сидевшая напротив Герда. – И ничего ты не страшная. Беленькая просто вся. Зато глаза какими яркими стали! И вообще, ты спасла целую кучу людей. Ты теперь герой, тебя полюбили бы и старую, и

страшную. Сам его величество Александр выразил тебе свою признательность!

Валькирия встала и решительно шагнула к постели подружки:

– Короче, ну тебя к лешему с твоими слезами! Сейчас мы идем в баню, её как раз натопили, а потом завтракать. И только посмей мне сказать, что есть не хочется! А там будем думать, как жить дальше.

Ниенна жалобно всхлипнула. Есть действительно хотелось так, что она готова была проглотить слона. И рядом с этим голодом отступали любые другие заботы и напасти.

Для покалеченной некромансерки не жалели ничего. Её переселили в комнату с камином, который топили кругло-суточно. Накрывалась Ниенна меховыми одеялами, на ноги натягивала толстые носки из шерсти горных яков. Приемы пищи у неё были частыми, обильными и горячими – сначала дымящийся бульон с разваренной курицей, затем обжигающе-острый суп с лапшой, прожаренные до хруста куски мяса, плетеные корзинки, наполненные хлебом, запеченные яблоки с творогом и изюмом... Мальчишка-боевик, что гнался за их троицей по болоту в погоне за кубком, однажды принес ей целую охапку оранжевых астр, неловко поклонился, покраснел до кончиков ушей и убежал.

Ниенна вздохнула, засовывая цветы в вазу. Казалось, со дня гонок прошла целая жизнь.

Она часами смотрела на себя в зеркало, стараясь привыкнуть. Получалось с трудом. На бледные щеки не возвращался румянец, сколько их ни щипай. Нос и губы стали тоньше, подбородок – острее. И главное – её чудесные светлые локоны теперь распрямились и торчали в разные стороны, потеряв всю девическую прелесть. Нет, седина определенно была красивой, благородного жемчужного оттенка, а не пепельного, как у декана Удмертия. Но всё же, чего ей стоило появиться не сейчас, а лет через пятьдесят?

«Плата за героизм, – мрачно думала некромансерка. – Днем тебя хлопают по плечу и вручают всяческие награды, а ночью ты маешься от боли, холода и невозможности даже выйти на улицу. И конца-края этому не видно».

С наступлением зимы в Академии началась сессия. Ниен не проставили все зачеты и экзамены авансом – свои знания и умения она наглядно показала в битве с остроухими. «Я бы тебя сразу на третий курс перевел, но не стану. Лучше восстановись потихоньку, дальше нагрузка будет выше», – сказал ей преподобный Умертвий, подписывая оценки по предметам на красивом бланке с гербовой печатью.

Герде с Азали такого счастья не перепало, и они забежали к подруге каждый вечер, жалуясь на зверства преподавателей на экзаменах и лопнувшую от излишних знаний голову. А ещё обсуждали последние новости. Самым занятным стало известие о найденном в лесу теле наставника Герия, точнее, оставшемся от него скелете. Бедолагу несколько часов

допрашивал лично декан Особого факультета.

– Поверил, дурак, сказкам незнакомцев, что волшебную силу можно вернуть, согласился пройти незнакомый ритуал. А те остроухими оказались под чужой личиной, – качала головой рыжая Азали. – Магистра ещё два года назад, оказывается, грохнули. И остроухие всё это время находились в Академии, готовились к появлению богини. Выискивали девочек покрепче да побойчее, предыдущая же умерла во время ритуала. Они и хотели перестраховаться от любых возможных напастей.

– От любых, кроме неожиданно появившейся юной некромансерки с шилом в заднице, – фыркнула Герда. И тут же в глазах её заплескалась тревога: – Ниенка, пообещай, что ни за какие коврижки не захочешь вернуть себе былую внешность и здоровье непроверенными методами!

– Не захочу, – пожала плечами Ниенна. – Я уже смирилась. Жаль, конечно, но проверенные методы мне не подходят по той простой причине, что их просто не существует. И наставника Герия я чисто по-человечески могу понять. Он хотел возвращения бывшего могущества, а ещё – чувствовать себя полезным. Если бы и магия пропала, не знаю, как бы мне дальше жилось.

– Тебе это не грозит, – рассмеялась Азали. – В коридорах и столовой шепчутся, что тебя Милосердная Смерть своим благословением отметила, в благодарность за сотни душ, которые ты освободила и довела до её обители. И что ты одна-

жды сможешь повелевать мертвецами, если захочешь.

– Отлично, – фыркнула Ниенна, кутаясь в одеяло. – Была я простой госпожой из графского рода, а теперь стану госпожой трупов. Отличное продвижение на поприще магической службы!

– Зато прозвание годное, как раз для твоего ремесла, – утешила её Герда. – Госпожей всяческих в мире – как собачьего говна у нас за воротами. И княгини, и графини, и королев целый полк. А трупная госпожа, поди, одна на весь белый свет.

Подруги захохотали. Нет, с Гердой решительно невозможно было долго тосковать и хандрить, даже после всего случившегося. И Ниенна с огромным удивлением осознала, что ей хорошо. Даже невзирая на постоянную мерзлявость и голод, на испортившуюся внешность и дичайший упадок сил, она была счастлива, как никогда в жизни.

В канун нового года Ниенне разрешили наконец выходить на улицу, а ещё передали королевскую грамотку «За проявленную доблесть» и к ней чек на солидную сумму, положенную на счет в главном банке Ахенбурга. Причем счет был специальный, принадлежащий Академии.

– Это чтобы родственнички твои деньги не свистнули по праву старших, – объяснил ей декан Удмертий. – А то узнают неминуемо: слава о тебе по всей стране пошла, сама видишь, сколько съезжается народу, и все хотят на тебя посмотреть.

Действительно, второй месяц в столицу по дорогам и трактам тянулись проповедники всех мастей и рас – молиться за усопших. Приезжали большими толпами, совершали камлания и обряды, призывали на головы остроухих кары небесные, а адептам и наставникам желали всяческих благ. Ну и на освободительницу нескольких сотен призраков пялились, не без этого.

Особенно поразил некромансерку оркский шаман, бывший с группой полуголых зеленокожих молодцев с бритыми затылками и выпирающими изо рта клыками. Он долго смотрел на девушку, хмурился, ходил кругами, тряс над её головой посохом с бренчащими костями в наверший.

– Ты сможешь поправиться, юная служительница Смерти, – наконец пророкотал он с гнусавым акцентом. – Найди мужика с огненной силой в крови и сердце, раздели с ним ложе, и этот огонь вылечит твою хворь.

Ниенна так опешила от бестактности шамана, что даже не нашлась с ответом.

Зато наедине с подругами отвела душу, изругав орка всласть. Как раз и повод представился для встречи не в стенах Академии – зимние каникулы. Герда и Азали утащили её в таверну на центральной улице, где регулярно собирались адепты всех учебных заведений Ахенбурга. Горячий глинтвейн лился рекой, вокруг стоял галдеж, в котором можно было спокойно поговорить без чужих ушей. Краем глаза Ниенна заметила в углу Альбрехта с компанией боевиков – их

стол гоготал громче всех, то и дело прерываясь на звон кружек с пивом.

– Видно, оркский шаман поганок своих перебрал, – скривилась Герда, усаживаясь за ближайший к двери столик. – Что значит «огонь в крови»? Он бы ещё четыре стихии вспомнил из глупых новелл для романтических дурочек: огонь, воду, землю и воздух. Каждому известно, что магия – дар, позволяющий управлять всеми возможными состояниями и стихиями. Я вот одинаково хорошо пуляю и ледяными стрелами, и огненными шарами...

– А у меня другой интерес, профессиональный, – фыркнула Азали. – Какие такие болезни может лечить плотская связь с мужиком? Вот наградить целым букетом – это всегда пожалуйста! А вылечить... да будь у него хоть трижды огненное сердце!

И покосилась на мельтешащего неподалеку Эдгара. Ниенна с невольной завистью отметила про себя, что выглядел боевик великолепно. Происшествие с остроухими не оставило никаких следов на внешности бабника-сердцеда.

– Тебе чего, охальник? – подняла брови целительница. – Уши погреть решил?

– К тебе с поклоном иду, красавица моя, – отвесил тот шутовской поклон и пропел тихонько: – Исцели мои печали, Азали...

– Иди ты к рогатым в Бездну! Франц-венерию не лечу.

– Тьфу на тебя, дурища рыжая! – обиженно надул губы

Эдгар. – Я к тебе с открытой душой, а ты – с шутками гадкими... И вообще, я золотой самородок, чтоб ты знала!

– Золотой, ага, – рассмеялась целительница, вставая. – Аж пробу ставить негде. Иди уже, дай с девочками поболтать.

Азали ушла к стойке с разноцветными бутылками, чтобы сделать заказ, следом поднялась Герда – попросить у трактирщика одеяло для подруги. Некромансерка сидела, устало прикрыв глаза. Привыкнуть к большой толпе народу вокруг оказалось сложнее, чем девушка себе представляла, но иных вариантов не было.

«Я всё равно вернусь в нормальную жизнь, чего бы это мне ни стоило, – думала она. – Начну со всеми сдавать сессии и окончу учебу с золотой медалью. И если уж назовут меня трупной госпожой, то пусть это будет за заслуги, а не за внешность».

Напротив кто-то присел. Ниенна открыла глаза и с удивлением уставилась на две небритые мужские рожи, бесстыдно её разглядывавшие.

– Она? – спросил первый мужик, в мохнатой шапке. – Чойта бледная, как поганка. Маркиз другой портрет давал.

– Она! Ты ж слыхал на всех углах про девку, что мертвяков из земли подняла и через то силу магическую потеряла, – скривился второй. – Поднимай зад, пигалица, и иди за нами, да без выкрутасов! Сиятельный маркиз Жермен тебя обыскался уже. Не знаю уж, на кой ты ему сдалась, такая тощая да бледная, но господину виднее.

Ниенна судорожно вцепилась в лавку.

– Не пойду, – тоненько пискнула она.

– Пойдёшь, – осклабился первый. – А не то мы вон из-за того столика сопляков выдернем да глотки им перережем у всех на глазах. Поднимайся, я сказал...

И мужик потянул было поросшую волосами ручищу к её шее, чтобы схватить за шиворот, но в следующий же миг замер, прихваченный за плечо.

– Слышь, упырь, – процедил стоящий за его спиной старшекурсник-боевик Альбрехт Вельф. – Грабли свои немытые от лялечки нашей убрал! Пока я тебе их не вырвал с корнем и в зад не засунул.

Гул вокруг мигом затих. Ниенна сидела на лавке, обмирая от страха – и одновременно от восторга. Кто бы знал ещё полгода назад, что тот, кого в стенах Академии она больше всего боялась, вдруг поднимется на её защиту?

Еще миг – и за плечами Альбрехта возникла его боевая тройка. Парни стояли стеной, словно те самые призраки на лесной поляне, и у Ниенны невольно защипало в глазах.

Мужики были не робкого десятка и тут же сердито ощерились.

– Ты знаешь, кто эта девка, чародей? – подпрыгнул первый. – Графская дочь безмозглая, из дому сбежавшая перед свадьбой с маркизом Жерменом. По закону ей треба вернуться назад, волю родительскую выполнить.

– Я никакого обещания не давала! – взвизгнула Ниенна,

тоже вскакивая на ноги. – Не хочу я замуж за маркиза, он старый, и вообще...

– И вообще, она моя невеста, – вдруг возник рядом ухмыляющийся Эдгар. Бесцеремонно обхватил некромансерку за талию и продолжил: – Вся таверна видела, как я ей в любви клялся при свидетелях, и она дала согласие на брак. Верно, ребята?

Таверна взорвалась одобрительными воплями.

– Так что маркизу вашему, ежели жениться на моей невесте хочет, придется сначала меня на дуэль вызвать, – со смешком окончил боевик. – Вот только по закону оскорбленной чести выбор оружия будет за мной. А уж потом посмотрим насчет воли родителей.

– А ещё магистры его испытают, – высунулась из-за плеча Альбрехта Азали. – Я слыхала, маркиз Жермен живет на свете более пятисот лет, это весьма похвально, но всё же необычно как-то. Сами понимаете, одна из лучших учениц Академии, её не могут отдать в плохие руки. Наставники обязательно проверят маркиза на употребление запрещенных зелий, продлевающих молодость за счет чужих жизней, а также на наличие в его жилах эльфовской крови...

– Что ты несешь, девка? – взревел небритый, потрясая кулачищами. – Да чтобы наш сиятельный маркиз...

– Наставники разберутся, – бросил Альбрехт. – А если попробуете её умыкнуть тишком прямо с улицы или ещё откуда – я дракона сотворю и следом отправлю, чтобы задни-

цы ваши никчемные прижарил до самых костей. Сдохнете в ближайшей канаве, никто и плакать не будет. Ну, долго ещё вы тут собрались стоять, воздух портить?

И неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы какой-то паренек не ойкнул, выглядывая из дверей:

– Ой, кажись, городская стража сюда идет!

Миг – и оба негодя вылетели на улицу, прижимая шапки к груди, а затем скрылись за углом.

Следом им неся многоголосый хохот.

– Ни на миг вас оставить нельзя, – возмущалась спустя пять минут Герда, укутывая плечи подружки одеялом. – Всё самое интересное пропустила!

– Да что там интересного, одни рожи мерзопакостные, – пожалала плечами Азали. – А вот Ниенна, кажется, поняла одну важную вещь...

– И какую же?

Некромансерка глотнула из принесенной кружки горячий глинтвейн, пахнувший медом и корицей, и счастливо выдохнула:

– Что я действительно дома и рядом с людьми, которые меня любят. Ради этого стоило даже покалечиться и стать седой.

– А ты сомневалась? – рассмеялась Герда. – Ничего, мы ещё прославимся в истории родного государства и за его пределами! Будем ездить по трактам на последних курсах, злодеев уничтожать, заложных покойников утихомиривать. И

мужика тебе отыщем, с огненным сердцем.

– Разве такие бывают? – грустно улыбнулась Ниенна.

– Раз шаман сказал, значит, бывают. Мы тебе его найдем, – пообещала валькирия. – Надо будет – из-под земли достанем.

Чудовище в Щедром Поле

– Да шо ж это деется, навьи мои недобрые! – горько плакала старая Улита над едва кричающими и полуживыми лебедиными тушками. – На позатой седмице избе ноги едва не оттапали, на этой – гусей-лебедей покалечили, изуродовали! Кой бес вас понёс на то поле поганое?!

Она всплеснула руками и тут же охнула – поясницу вновь прихватил злоющий радикулит.

– И пчелок моих поразгоняли, нечего и к спине больной приложить! Ну шо ты гакаешь, полоумный? На поле когда стаю вел, небось, иначе вопил, как в глотку укушенный!

Улита замахнулась было тряпкой на жоака, но уронила бесполезную ветошь и заплакала ещё горше.

– Неужто придется отсюда уходить? – всхлипывала она, потирая крючковатый нос. – С земли родной, где живу я без малого триста лет?

– Придетссся, – вдруг зашелестело за спиной. Запустывали сучья, встрепенулись листья, как живые. Неведомо откуда взявшийся ветер швырнул в лицо старухе горсть пыли, от которой она закашлялась так, что и радикулит прошел.

А когда выпрямилась наконец и раззяпила слезящиеся глаза, узрела выползающую из чащи ядовито-черную клубящуюся тьму. И столько злобы в ней было, что дышать с каж-

дой минутой становилось труднее и труднее.

– Убирайссссся, – прошипела тьма. – Я тебя предупредал, ссскотину ссстарую. Костею иголку сломал, охранителей здешних под землей оставил, и тебе вместе с избой и гусями лапы из задницы повырываю с мяссссом!!

– Ты всем девкам здешним сердца повырывать да кровью их землю залить удумал, окаянный? – так и взвилась на месте бабка, потрясая сухонькими кулачками. – А ежели людское племя в этих краях иссякнет? Мы никогда так лютовать себе не позволяли, чтобы ентот, как его, баланс не нарушать!

– Плевать, – пророкотала тьма, обретая плотность. По поверхности её, всё ещё расплывчатой, но уже гладкой, как шелк, то тут, то там вспыхивали красные выпученные глаза. – Надоели мне люди, особенно девки – вссю плешь проели своими воплями да vessсельем! Ещё и праздник затеять удумали, вссю округу на уши поставить! А потом меня земля здешняя отвергает, пятки жжет, пройтисссь невозможно! Ну ничего, от тебя избавлюсь и враз ритуал проведу, вот потеха-то будет! Попляшет Сссмерть на коссстях, как раньше бывало, вссласть!

– А шипишь-то чего? – вдруг насторожилась бабка. – Зуб, чтоль, выбили в пьяной драке?

– Шшшто? – вздрогнула и заklubилась тьма, снова теряя очертания. – Какая пьяная драка? Да как ты смеешь, кочерыжка ссстарая?! Тьфу ты, пропассссть!

– Выбили-выбили, – распрямила плечи бабка, ехидно ух-

мыляясь. – Иль сам выпал? Или все на месте, просто силенок не хватает щель меж зубами заделать? А всё туда же – жертвы кровавые приносить...

– И шшшто? – пророкотала тьма. – Ты со всеми своими знаниями ничего мне не сделаешь, силенок не хватит. Даже вычиссслить не сможешь. Даю сроку три дня: не уберешься отсюда со своей ссскотиной лапчатой, что деревянной, что живой, – так я поспособсствую, упокою тебя навеки с Костеем рядом!

И тьма исчезла в густоте зеленых ветвей, только ветер по ногам хлопнул.

Старая Улита не обратила на это никакого внимания. Рванула в избу, забыв про всё, даже про жалобно стонущих гусей-лебедей, так и лежащих на поляне перед избушкой.

– Я т-те покажу задницу с мясом, – сложила она себе за спину дулю. – Через три дня, значит? Так я устрою три дня веселья, посмотрю, как ты справишься с теми, кого я на подмогу позову! Думаешь, Улита в лесу родилась, читать прилично не научилась, пню всю жизнь молилась, колдовала, как лешие учили? Ничо, пограмотнее знакомцы у меня имеются! В самой Академии чародейской студиозусов некромансии учат, упырям бошки сносить и мертвяков упокоивать! И тебя, душегуба, изловят да на плаху отправят!

Она поднялась на крыльцо избушки на покалеченных курьих ножках, перебинтованных с прошлой седмицы по самый подпол, села на лавку и потянулась к стоящему рядом

колокольцу с кристаллом на макушке. Щелкнула по нему длинным ногтем, и тот засветился.

— Кто тама? — заголосила Улита в колоколец, то и дело прижимая его к уху, а затем снова возвращая ко рту. — Удмертий, ты, старый друг? Не трынди, я тебя на три года моложе! Выручай, в знак давней дружбы! Чаво? Да пошутила я тогда! Ну добавила в передачку с мёдом крапивы горькой, для здоровья мужского полезно! А ты орал, будто я туда, по меньшей мере, плюнула... Эх, ладно, кто старое помянет, тому осиновый кол в задницу. Слушай, Удмертушка, без твоей помощи не обойтись. Беда у нас большая приключилась...

* * *

Для скорейшего отправления группы молодых чародеев из славного города Ахенбурга в захолустную глушь, откуда декану Удмертию поступило сообщение с призывом о помощи, не пожалели и портала, способного перебросить людей с пожитками на расстояние в сотни миль.

И то правильно, подумала Ниенна. Снаряжения, эликсиров и оружия взято столько, что на своём горбу по оврагам да буеракам не перетащишь, а у лошади от такой тяжести переломился бы хребет. Или открылся бы дар человеческой речи, примерно в том же ключе, что и у старшекурсника Альбрехта Вельфа, отвечавшего за подготовку к переходу. В этот раз ему поручили возглавить не только собственную боевую тройку, но и всю экспедицию целиком.

– Эдгар, на кой ляд ты с собой столько эликсиров приворотных тащишь? А если бежать придется? Выронишь по дороге, селяне необученные подберут да себе во вред используют, а нам потом в яме с решетками сидеть? Брось немедленно!

– Не брошу! – вцепился в огромный холщовый мешок Эдгар. Внутри что-то подозрительно зазвенело. – А вдруг бабы?

– В деревне-то? Баб там немерено, а ты на фоне их мужиков и без приворотных зелий сгодишься, – ухмыльнулся Альбрехт. – Зад с мылом вымоешь да зубы почистишь, и колдовать не понадобится.

– Пошел к рогатым! – рассердился на однокашника Эдгар. – Я чаще тебя в баню хожу! И вообще...

Он перехватил поудобнее мешок и заговорщицеским тоном продолжил:

– Там не только приворотные зелья, которые я, кстати, не использовать везу, а продавать, но и лучшая эссенция мадам Ангелины из «Прекрасного утра», семь флаконов! Достаточно развести с водой и – вуаля! – лучше игристого вина! Или ты на празднике рыгаловку сельскую собрался пить, типа сивухи на чертополоховых колючках?

– Не-е, сивуху не буду, – тут же пошел на попятную Альбрехт. – Ладно, упаковывайся, да смотри, чтобы преподаватели не просекли, что мы с собой хмельное тащим.

Боевик провел ладонью по темным растрепанным волосам, поправил ворот синего мундира.

– До отправления четыре минуты. Целительница где? А, привет, Азали, вижу. Герда, клинки упаковала? Отлично. Лялечка с вами?

– С нами, – подала голос Ниенна. Прозвище, прилипшее к ней почти год назад во время поступления в Академию, закрепилось, кажется, на всю оставшуюся жизнь.

– Поперед нас в бой не лезь, – голос Альбрехта неожиданно смягчился. – У тебя силы до конца не восстановились.

Он шагнул к девочкам поближе:

– Не нравится мне эта ситуация, вот что я вам скажу. Селяне в глуши дикие, дай им волю, колдуна на костре скорее сожгут, чем за работу отблагодарят. В какое место их ни поцелуй, везде на задницу наткнешься. Поэтому обо всём подозрительном докладывать мне и не ходить поодиночке. Даже до ветру в нужник, поняли?

Девчонки синхронно кивнули. Даже острая на язык Герда смолчала. Видимо, понимала: не та ситуация, чтобы кочевряжиться.

– Лялечка, ещё раз перескажи на свежую голову, что там за история с убитыми девками?

– Двенадцать жертв с начала января. Вырваны сердца у ещё живых, вдобавок выворочена грудная клетка. Удивительно, что за помощью послала лесная ведьма такого уровня, что у неё избушка собственная на курьих ногах материализовалась, представляете?

– Лихо, – присвистнул Альбрехт. – И что, она не смогла

уничтожить эту тварь?

– Нет, даже вычислить не получилось. Известно только, что шепелявит: то ли зубов не хватает, то ли от волнения. То ли просто нечисть, которой трудно дается человеческий говор.

– Ничего, мы всё равно подготовлены лучше, чем малограмотная лесная ведьма, – воспрял духом боевик. – Поймаем гадину да осиновый кол воткнем в глотку!

– Сначала вычислить надо, – покачала головой Ниенна. – Беззубых, поди, половина деревни. Кто бы их там лечил? Плюс с окрестных сёл на праздник Первого урожая люди в эти дни приходят. Что мне не нравится больше всего, это их церковь Всеблагого Левия.

– А чего с церковью не так?

– То, что она есть, – включилась в разговор Герда. – А раз есть, значит, жальники должны быть запечатаны, покойники – гнить в обнимку с опарышами под землей, а всяческая нечисть – глодать кору в лесу, а не кружить подле деревень, сердца у людей вырывая. Ниенка, ты в некромансерских книжках нашла хоть что-то подобное?

– Нашла, но ничего не подходит, – вздохнула Ниенна. – Сердце способна вырвать, как минимум, дюжина разных видов нечисти. Но большинство вдобавок обглодали бы трупы или хоть печень выели с мозгом. И ни одна из них не способна превращаться в туман с выпученными глазами. Я взяла с собой два бестиария, один – по вымершим чудовищам,

погляжу на досуге, может, хоть какую-то подсказку найду.

– Добро, – кивнул Альбрехт. – Пора отправляться.

Портал запестрел разноцветными бликами, растянулся по воздуху кольцом, внутри которого клубилась тьма. Ниенна невольно поежилась, делая в неё шаг. Хорошо еще, глаз у этой пакости не было!

С момента, когда некромансерка освободила сотни неуспокоенных призраков, прошло полгода. После ранней и обильно дождливой весны наступил солнечный июнь, пшеница и травы в полях поднялись справно и дружно, человеку по пояс. А к Ниенне начала возвращаться сила. Ей удавались даже самые сложные заклинания второго курса, вроде обращения скелета в прах, а затем воссоздания из него послушного её воле не-мёртвого.

Но то в башне Особого факультета, под присмотром декана Удмертия. На жальники соваться и работать с «диким» материалом он ей пока строго запрещал.

И потому Ниенна очень удивилась, когда наставник отправил её вместе с боевиками и целительницей в дальнюю дорогу, выяснять, что за чудище завелось в глухом краю, где люди даже подати платят не деньгами, а репой. Кстати, репа там росла знатная, из неё в столице варили и каши, и достойное королевского стола пиво, и даже колдовские зелья для лечения желудка.

«Хочу, чтобы ты развеялась. Сидишь в башне целыми днями, света белого не видишь, – объяснил Удмертий. – А

то вон бледная какая...»

Некромансерка после пережитого оставалась бледной, как молоко, даже под палящим солнцем, но спорить с наставником не стала – искренне же переживает. Теорию она знает хорошо, может, и правда подскажет что-то. И боевики после зимних приключений в таверне перестали к ней цепляться. Вдруг действительно удастся отдохнуть и хорошо провести время?

* * *

В деревню с многозначительным названием Щедрое Поле студиясы Академии добрались лишь к обеду, голодные и злые. Сначала настроение испортила бабка, позвавшая их на помощь, и её чокнутые гуси-лебеди. Паскудные птицы, о которых старая ведьма говорила, мол, вчера едва не померли, на деле оказались очень живучими. А ещё – злобно шипели на прибывших и всё пытались тяпнуть Эдгара то за бедро, то за сумку с эликсирами.

– Говорил тебе, задницу с мылом помой, даже скотине неразумной не нравится! – ржал неугомонный Альбрехт.

– Провались в Бездну! – шипел тот в ответ не хуже гуся. – Тебя эти твари, небось, своим признали, гогочешь, как они, вот и не кусаются!

Бабка, стоя на крыльце, оглядела их с нехорошим прищуром и покачала головой:

– Я думала, Удмертий даст боевых магов, а старый хрыч

прислал недорослей, которые даже в сражениях не бывали.

– Бабуля, да ты знаешь, сколько мы пережили?! – едва не подпрыгнула от злости Герда. – Мы богине Тридамат и пяти десяткам эльфов полгода назад уши на пятую точку так натянули – до сих пор вдоль границ на цыпочках ходят, боятся! У нас некромансерка в той битве силу потеряла, едва восстанавливаться начала...

– Охти мне, ещё и дитё покалеченное с собой притащи-ли! – всплеснула руками старая Улита. – Вас борщом досыта кормить надо и спать укладывать, а не в бой с чудищами отправлять!

– Борщ, бабушка, это хорошо, – шагнул вперед Эдгар. С почтением склонил перед ведьмой кудрявую голову и продолжил: – Не подведем мы вас, обещаем. Дипломированные боевые маги после осенней заварушки с эльфами на границах государства стоят, там опасности похлеще здешних. Поймите, некому деревенских от чудища спасать, кроме нас.

– Ох, деточки, – бабка поглядела на них намного ласковее. – Тогда вам лучше сразу в деревню идти, с народом поговорить, самим осмотреться. Всё равно связи тут нет никакой, а портал за вами Удмертый откроет лишь через три дня.

Из еды у старой Улиты оказался только забродивший квас и хлеб, такой черствый, что им побрезговали даже мыши. Поэтому адепты вежливо сослались на занятость и отсутствие времени, схватили сумки и отправились в путь. Бабка махала им с крыльца замызганным платочком, клятвен-

но обещая послать весточку «кому надо», чтобы ребятушек встретили, как подобает.

– Надеюсь, не гусей своих треклятых отправит, – пыхтел под тяжелыми сумками Эрл из боевой тройки Альбрехта, то и дело утирая пот со лба. – А то все нормальные люди разбегутся, останутся дедки да бабки, которым и умирать не страшно. Поднесут нам репу на блюде, вареную да печеную, вот и вся еда.

– А тебе надо, чтобы молодуха вышла с большими сиськами да чарку зелена вина с поклоном подала? – хохотнула Герда. – Ты ж не добрый молодец из сказки, и репкой перебешься.

– Молодуху не надо, у неё муж есть, он потом мне голову оторвать попытается, – фыркнул боевик. – Пусть хоть пугало выйдет лесное, лишь бы пожрать у него было.

Под палящим солнцем ковылять пришлось почти час, и на подходе в деревню студиозусы без сил опустились в траву передохнуть. Герда оглядела окрестности и уважительно присвистнула: репища и впрямь внушали трепет. Казалось, что тянутся они от поросшей увядшим дерником дороги до самого горизонта. Небольшие круглые репки блестели белыми бочками, одна к одной – ровные, гладкие, размером с девичий кулачок.

– Красиво, – признала Ниенна.

– Ага, пока сидишь и смотришь с крыльца собственного поместья, как барин, – скривилась Герда. – А как подумаю,

что с марта по октябрь ежегодно задом кверху всё поле проползать, так уж лучше пусть мне чудище сердце вырвет.

– Типун тебе на язык, – зашипела Азали. – Нашла, о чем вспомнить!

– Жрать охота, – вздохнул второй боевик из тройки Альбрехта, плечистый Бродди. – Может, к бабке вернемся, гуся-лебедя попросим? У неё один на обе ноги хроمال, всё равно толку с него никакого, и так околеет. А мы бы в кустах костер развели, мясо пожарили...

– Ты рехнулся? – возмутилась Ниенна. – Это редкая птица, можно сказать, реликт! Они в книгу Исидры занесены, как вымирающий вид, их мало осталось. А ты – сожрать... Их и так перебили в свое время, не дай боги!

– Они детей воровали в незапамятные времена, так им и надо, тварям лапчатым! – не согласилась с подругой Герда. – Я тоже за гуся. Давайте жребий кидать, кому за ним идти.

Но буквально через пару минут провидение спасло гуся от неминуемой гибели, а заговорщиков – от выплаты огромного штрафа за убийство реликтовой птицы. Спасло самым приятственным образом – босоногим, веснушчатым, рыжеволосым. В двух экземплярах сразу.

– Во дела! – оживился задремавший на сумке с эликсирами Эдгар, открыв глаза и увидев перед собой две пары кругленьких девичьих коленок.

– Здоровы будьте! – хором прошебетали хорошенькие близняшки и синхронно опустили задранные подолы, выби-

раясь с мокрой земли на сухую дорогу.

– Нас бабушка Улита отправила вас встречать и кормить, – высунулась из-за спин рыжух ещё одна девица, с курносым носиком и длинной черной косой. – Пирожками с земляникой не побрезгуете? У нас целое лукошко! И два кувшина с молоком, холодненьким!

Дважды повторять не пришлось. Ниенне с Гердой и Азали досталось по одному пирожку, что умопомрачительно пахли вареньем и свежей сдобой. Остальное в один присест умяли изголодавшиеся боевики. Насытившись, парни не без интереса начали рассматривать миленьких селянок, а те в ответ переглядывались друг с другом, то и дело прыская со смеху.

– Люди бают, вы к нам с досмотром приехали? – потупившись, спросила одна из близняшек.

– И это тоже, но в первую очередь – на праздник, – многозначительно поднял брови Эдгар и улыбнулся: – Слыхали мы с товарищами, что девчонки в Щедром Поле такие, что краше их во всей округе нет, вот и приехали проверять. Видим, не врут люди-то!

Боевая тройка Альбрехта согласно закивала, дожевывая последние пирожки.

– Ой, милсдарь, я погляжу, озорник вы, любите смущать простых девиц, – кокетливо захлопала ресницами чернуля.

Ниенна сразу просекла: девка отлично понимает, что творит, и боевиков с их клинками да чародейством вовсе не боится. Неужто всерьез рассчитывает на щедрость столичных

колдунов, которые не обидят нежную красавицу ни во время праздничных гульбищ, ни после, а наутро и вовсе одарят золотой монетой? Всё ж семье прибыток, корову или пару овечек прикупить можно.

И Ниенна в очередной раз порадовалась, что родилась не в селянской, а в графской семье. Подумаешь, из дому сбегала и родичи наследства лишили! Зато сама себе хозяйка, грамоте обучена и деньги заработать может колдовским ремеслом, а не женскими прелестями.

«С другой стороны, кто на меня позарится, на бледную да седую? – со смешком подумала она. – Девки сами будто репки, во всех нужных местах кругленькие. А я и впрямь после пережитого недокормыш сопливый...»

– Праздник-то будет, – продолжила меж тем одна из рыжих девиц. – Только потанцевать мы с вами, милсдари, не сможем: барин не даст.

И она горестно всхлипнула.

– Чего? – так и подбросило с земли Эдгара. – Чтобы какой-то затрапезный барин мне, сыну барона Червонского, веселиться помешал? Да я его на одну руку посажу, а другой прихлопну!

– Так он вам и не помешает, – помотала головой чернуля. – Он просто нас к себе в это время потребует, на кухне помогать. А ежели совсем не повезет, то и постель греть...

Девки как по команде шмыгнули носами.

– Противный он, гадкий, смердит одежей нестиранной,

козел душной лучше пахнет! – загомонили они, обступив замотанного утренними сборами и дорогой, но всё же весьма пригожего парня в синем мундире. – А откажешься – оброк на семью такой положит, что вовек не расплатишься!

– Ну, ну, полно вам реветь, – ласково забормотал Эдгар и, уже не чинясь, обнял близняшек за пухлые плечики. – Ведите к барину, решим этот вопрос. Раз уж мы с проверкой приехали, с самого подозрительного и начнем.

– С чего ты взял, что он подозрительный? – фыркнул идущий сзади Альбрехт. Лидер команды остался недоволен: ему пришлось тащить за товарищем сразу оба дорожных мешка, его и свой. – Можно подумать, барин один в деревне воняет!

– Вот и посмотрим, – глянул через плечо Эдгар и притянул поближе одну из рыжих девиц. – Уж господинчик-то одежу мог бы почаще менять. А раз не меняет и в бане не бывает, то, может, и не человек он вовсе, а нечисть какая-нибудь?

– Нечисть потом не пахнет, – напомнила Ниенна, поравнявшись с Альбрехтом.

– А козлом душным?

– Не знаю, козлов нюхать не доводилось.

– Вот и посмотрим на месте. Точнее, понюхаем, – оскалился Эдгар и пригреб к себе вторую близняшку.

* * *

Поместье господина Никулы Репняного, в котором он проживал с сыном, даже издалека выглядело неряшливо.

Двор стоял в запустении, цветы на клумбах пожухли, а мужики, чинившие во дворе обшарпанную телегу, были, как один, суровы и почти беззубы. Азали уставилась на них с подозрением, но Герда дернула её за рукав и сердито шикнула, что эти вахлаки могли убить разве что вчерашним перегаром, а не вырыванием сердца.

На крыльце их уже встречал молодой барич Ивор, которым брезговали даже сельские девки. Как оказалось, не зря: юноша действительно был непригляден. Тучный, бледный, с темными пятнами под заплывшими глазами, он то и дело утирал пот со лба. Пахло от него, мягко говоря, не очень. Да чего уж там – разило за версту! Потом, кислым духом давно не менянного исподнего да жареным луком.

Проняло даже крепких и привычных ко всему боевиков. Ниенна краем глаза увидела, как тройка Альбрехта одновременно творит заклинание заглушки неприятных запахов, делая вид, что просто потирает носы.

– Документ покажите, – без приветствия потребовал барич, – с которым вы нас проверять приехали. Посмотрим, каковы ваши права на это, сталбыть, действо.

И Эдгар, которому девки по пути успели налить в уши жалобных слёз, не выдержал:

– Ты, сопляк, мои права решил проверять? Мои, Эдгара Червонского, сына барона, что тридцать лет верой и правдой служит стране и короне?!

Глаза боевика вспыхнули огнем. Вот селянки бы сейчас

визжали, и не пойми, от восторга или ужаса! Жаль, отправились они в деревню от греха подальше, побоялись к любвеобильному барину даже под защитой магов идти.

– Смилуйтесь, господин! – перепугался толстяк. Барона Червонского знали и в глуши, ибо подвигов он совершил немало и нрав имел очень крутой. Как знать, вдруг сыну он тоже передался? – Я ж не просто так языком молочу! Сами понимаете, люди у меня под защитой, а тут чудище бродит в окрестностях. Батюшка занемог несколько седмиц назад, с постели не встает, да и я хвораю. Может, проклятие злой нечестивец на нас наслал? Вы бы это, проверили нас на предмет всяческого зла. И проходите, что же вы стоите, не стесняйтесь!

– Проверим, – сурово сдвинул брови Альбрехт, шагая через порог в неприбранный и мрачный холл. – Но пока нам с людьми потолковать надо. Где жертв видели, кому они родней приходились и прочее.

– И на праздник заглянуть, – снова подал голос Бродди. – Жрать охота, сил никаких нет!

– Тебе пирожков мало было? – зашипела гневно Азали, но её перебил барич Ивор.

– Так милости прошу к нашему столу! – радостно воскликнул он. – Угостим на славу, с пустыми желудками не уйдете! Сей же час приказ дам кухарке, пожрать сгоношит – пальчики оближете!

– Некогда нам, – обрубил Эдгар, пока остальные не согла-

сились на сомнительную стряпню в грязном доме. – Пост у нас чародейский. Заповедано нам в богатых домах пищу не вкушать, баню исправно посещать, небесам до земли-матушки кланяться, а хмельное уничтожать собственноручно...

– И собственноглоточно, – шепнула стоящая позади Герда, едва успев увернуться от тычка в бок.

– Это что ж, сладкого не есть, вина не пить? – ахнул толстяк. – Вы бы ещё сказали, милсдарь, с бабами не ложиться! Это ж только помереть и останется!

И жирненькие щёчки вдруг покрыл совершенно девичий румянец. Смотрелось мерзко.

– Я на бабу, бывает, как гляну, аж сердце заходится! Хорошо, что я барин, а не селюк безлапотный: какую захочу, такую мне и приведут. Ежели желаете, вам тоже прикажу привести. Хучь девицу, хучь молодку.

– Не надо, – открестился от щедрого предложения Эдгар. – Сами знаете, король такие вещи не одобряет, а мы его величеству Александру подчиняемся и все его наказы исполняем. Неужели у вас как-то иначе?

– Что вы! – от провокационного вопроса Ивор враз сбледнул с лица. – Мы за здоровье его величества молимся неустанно днем и ночью. Вот только, сами понимаете, бабы...

И вздохнул.

– Что – бабы? – не поняла Ниенна.

Толстяк окинул тощую пигалицу недоуменным взглядом, но узрел некромансерский знак, приколотый на воротник

темно-красного балахона, и живо поспешил объяснить:

– Порождение рогатых, как известно! Уж простите, господа, но ваш пол одним своим видом так и манит, словно всякая баба от рождения уже ведьма и приворотными зельями сизмальства надушена...

У Герды перекосилось лицо, Азали сжала кулаки. Ниенна, тоже разозленная словами барича, уже собралась пригрозить ему превращением в крысу, как вдруг Эдгар сделал шаг вперед.

– Знаю я вашу напасть, уважаемый пан Репняной, – торжественно заявил он. – Не в бабах дело. Бесы вас одолевают, вот чего. Вы, поди, в церковь Всеблагото Левия раз в год заходите, на праздник Возрождения, и в грехах не каетесь так часто, как требуется. Ну вот и вселились в вас бесы-то. Изгонять надо.

– К-к-какие бесы? – дрожащим голосом спросил толстяк.

– Известное дело, какие, – укоряюще поджал губы Эдгар, ну точь-в-точь святой отец на исповеди. – Подзалупные. Неужто не слышали?

Стоявшие сзади чародеи мгновенно разразились кашлем. У отвернувшегося Лясана, последнего из боевой тройки Альбрехта, мелко затряслись плечи.

Барич побагровел от гнева:

– Шутковать непотребно вздумали, милсдарь? Думаете, раз вы сын барона, можно глумиться над теми, кто вам по статусу не ровня?

– Никак нет, пан Ивор, – лицо Эдгара оставалось непоколебимо-спокойным. – Хотите, побожусь? Бесы эти заводятся в штанах и скачут туда-сюда, оттого вам ни днем, ни ночью покоя нет. Сны срамные одолевают, мысли постыдные, а коли нет возможности их воплотить, вы вином заливааетесь да объедаетесь, как не в себя. Разве столько еды нормальному человеку требуется? Сами же понимаете, что нет. Бесы вас изводят. И вскорости совсем изведут, безо всякого чудища.

– Пощадите, милсдарь колдун! – барич Ивор со стоном рухнул на колени. – Избавьте от напасти! Это ж прознают в селе, на улицу не выйти, засмеют!

– Верно, – кивнул Эдгар, нервно косясь на продолжающих кашлять друзей. Только Ниенна стояла спокойно, про себя посмеиваясь над легковерным хозяином. – Не поймут вас селяне. Будут смотреть укоризненно и судачить меж собой. Такой, скажут, молодой, а уже подзалупным бесам поддался, срамник и бесстыдник. И кто-нибудь рано или поздно королю доложит.

– Пожалейте, милсдарь, – уныло продолжал бубнить толстяк. – Не допустите позора, вы же образованный маг, в академии чародейской учитесь, вы можете...

– Не могу, – со вздохом «признал» Эдгар. – Пока чудище, сердца вырывающее, в окрестностях верховодит, бесы в полную силу резвиться будут. К тому же, именно этот вид со стороны не победить. Вам, пан Репняной, самому придется противостоять нечистецам, пока их немного и они невиди-

мы. А то, глядишь, разжиреют и плоть обретут, начнут по вашему телу прыгать, тогда точно по всей округе дурная слава пойдёт.

– Сделаю, что угодно! – захныкал барич, потрясая тремя подбородками.

– Перво-наперво мыться вам должно каждый день, исподнее менять тоже, бесы чистого не терпят, – с серьезным лицом начал давать советы Эдгар. – Баню раз в три дня посещать, париться от души. Вина не пить, сладкого и тестяного не есть, жирного тоже...

– К бабам не приставать и даже на праздник не соваться, – шагнула к Эдгару Азали, прекратившая маскировать смех под кашель. – Я целительница, и, можете мне поверить, хочу вам только добра. А то мало ли, придете развлекаться с чужими бабами, а у них тоже бесы в причинном месте сидят.

– Страсти какие! – заохал барич, осеняя себя знаком Всеблагого Левия. – А надолго это? Ну, пост, баня и остальное...

– Пока бесперебойное желание тискать баб не пропадет, – сурово припечатал Эдгар. – А вообще, жениться вам надо, барин. Но сначала избавьте себя от постыдной напасти.

– Всё сделаю, как вы скажете, – закивал толстяк, с криканием поднимаясь на ноги. – И всем, чем смогу, помогу в поисках чудища. Отец мой вряд ли что-то расскажет, он третью седмицу с постели не встает, но я к вашим услугам.

Сердечно раскланявшись с подобревшим барином, чародеи вышли из поместья, добрались до поворота на деревню

– и с хохотом рухнули в стоящий здесь стог сена.

– Бреешь, как та собака! – с восхищением хлопнул Эдгара по плечу Альбрехт. – Но всё равно понять не могу, чего ты встрял за этих баб? Король наш ничего такого не запрещал, а ты ещё и богохульником себя чуть не выставил...

Эдгар только усмехнулся:

– Вот скажи, мордатый, тебе девки какие нравятся?

– Ну... красивые, – задумался лидер команды. – Стройные, с миленькими мордашками, с ножками изящными. Не очень высокие, не капризные...

– А мне веселые, – поднял брови Эдгар. – Девки, когда веселые, они всегда красивые, ты просто этого не осознал еще. А какое веселье с козлом смердящим в одном доме да в постели, тьфу-тьфу-тьфу, где тут дерево?

Боевик постучал себя по голове и продолжил:

– А ещё я живых люблю. И потому отсюда не уеду, пока не поймаю чудище, которое девкам прехорошеньким, вот как эти две рыжули, сердца вырывает.

– С Ивором и отцом его тоже разобраться надо, – добавила Азали, привалившись к боку Бродди. Тот удивленно покосился на целительницу, но отодвигаться не стал. – Уверена, нет на них проклятья. А вот на то, что их травят потихоньку, могу голову в заклад поставить. Вы пятна вокруг его глаз видели? Печень уже не справляется с воздействием яда. Потому и смердит он так, что последние слуги скоро разбегутся. Помрет барич, если мы не вмешаемся. Уверена, и па-

паша не просто так в постели лежит три седмицы.

– Интересно, – хмыкнула Герда. – Значит, не зря я в холле того... пошерудила немного?

И валькирия достала из кармана серебряную ложечку.

– Герда, ты сперла чужое имущество?! – ахнула Ниенна.

– Взяла на время, – поправила подруга, сурово нахмутив брови. – Серебро точно покажет, есть на доме проклятие или нет. На вот, изучай, это по твоей части.

– Сначала я, – Азали приняла ложку в большой носовой платок, чтобы не касаться голыми руками. – А то вдруг на ней яда немерено. Потом уже на проклятия проверим. Ну что, други, пора в деревню. Хочу ополоснуться с дороги, поесть да отдохнуть, пусть даже на печке.

– И с девками за околицей посудачить, – добавил Альбрехт. – Они наверняка что-то могут знать.

– И не только посудачить, – мечтательно зажмурился Эдгар.

* * *

Рыженьких близняшек звали Лана и Эля, хорошенькую чернулю – Агашка. Остальных девиц из пестрой щебечущей стайки Ниенна не запомнила. Но с ней молоденькие селянки и не жаждали особо общаться, полностью переключившись на боевиков. Заинтересовала их только Азали, у которой девки полушепотом просили то средства для избавления от чирьев и бородавок, то пилюли от нежеланной беремен-

ности.

– Вы только отцу-благодетелю на исповеди потом не ляпните, что я вам помогаю, – предупредила целительница, записывая на бумажке заказы. Денег она требовать ни с кого не стала, от подношения в виде репы отказалась, а вот кринку свежайшего мёда приняла с благодарностью. – Иначе вместе будем время коротать в яме с кольями, куда нас жандармы бросят.

– Так некому нас слушать, – бесхитростно сообщила Агашка. – Отец Генрих онемел и почти оглох год назад, ему хоть всякий срам в ухо ори – он токмо кивает довольно. Старики говорят, бог слышит сказанное, даже если отец-благодетель глух, как пень. А раз не карает за содеянное, значит, и греха в этом нет.

– Ага, как же, нет, – всхлипнула незнакомая девица, миленькая блондиночка с пухлыми щечками. – Сколько народу в округе чудище загубило, в каждой из семи окрестных деревень жертвы есть! За грехи наши тяжкие оно, вот чего!

– Марька, дочка старосты Семирязовки, девицей невинной померла, чем же она провинилась? – резонно заметила Агашка.

– Хе! – подбоченилась щекастая. – А то ты не знаешь, как можно девичество соблюсти и при этом грешить напропалую! Марьку отец и так бы прибил, без чудища, ежели опосля свадьбы родители жениха ему дырявую чашу с вином вынесли бы. Вот и выкручивалась, небось, как могла...

От последующего разговора у Ниенны кровь прилила к лицу. Жаль, толку с этого не было никакого: румянец на щеки всё равно не возвращался. Но от девичьих нехитрых откровений вяли уши. Она сделала вид, что отвлеклась на чей-то зов, и быстро отошла в сторону.

Деревенька оказалось приятной – десятка три добротных дворов, зеленеющие огороды да небольшой фруктовый сад с наливающимися яблочками. Всё живое на этой земле и впрямь пёрло, как на дрожжах. В Ахенбурге едва начал цвести жасмин, а здесь уже сирень сыпала людям под ноги густо-лиловые облачка. Ниенна неторопливо прошлась по единственной улочке, что почти вкруговую обхватывала небольшую площадь, на которой под старенькие гусли плясали сельчане. Краем глаза увидела Эдгара, которого рыженькие близняшки успели утащить танцевать, и набычившихся сельских парней, смотревших на пришлого щеголя, как на врага. Нет, до сумерек не полезут, а вот ночью вполне могут попытаться устроить наглецу «тёмную», чтобы девок чужих не обнимал.

«В жаб превращу, если тронут», – лениво думала Ниенна, бредя вниз к речке. У крайнего двора под раскидистым кустом сирени сидел белый как лунь дедок в окружении босоногих ребятишек.

– И с тех пор, говорят, повержены наши покровители, лежат в земле сырой. Не могут двинуть ни рукой, ни ногой, и лишь печалются о прежних временах, когда ходили они по

лесам и полям – три зверя, три человека, и не было в мире силы, что могла им противостоять, – услышала некромансерка чуть дрожащий старческий голос.

– А теперь что же, появилась? – тихонько спросил лопухий мальчонка в порванной рубахе.

– Грехи наши тяжкие, – туманно ответил дед. – Вот придет защитник да поднимет поверженных из земли, тогда и путное что-то выйдет. А пока не шастайте в одиночку за околицей. Усекли, сорванцы?

Сорванцы ответили довольными воплями. Дед перевел взгляд на Ниенну и улыбнулся щербатым в силу возраста ртом. У детей зубов тоже не хватало, малые ж еще. Когда там коренные вырастут...

Некромансерка невольно поежилась. Злодей нет-нет, да и шепелявит якобы из-за выбитого зуба? Так тут вся деревня шепелявая, кроме молодых парней и девиц! Как же искать супостата? Может, в церковь сходить? Не бывает такого, чтобы глухонемой отец-благодетель молебны творил да людей на путь истинный наставлял. Уж молодых семинаристов в столице выпускалось ежегодно по триста душ, на каждую деревеньку хватит, даже в самой заднице мира. Странно, что его раньше не заменили.

– Садись, внучка, попей кваску со старым Ерохой, – дед похлопал по бревну возле себя.

Вроде приличный. Пах хорошо – мукой да ботвиньей, голова бела-белёшенька, глаза голубые, ясные.

Ниенна вежливо отхлебнула из глиняной кружки предложенный квас и тут вспомнила, о чем говорила лесная ведьма. Неведомый упырь не только шепелявит, но и ненавидит празднества и девок! Значит, среди танцующих на деревенской площади его точно нет. И некромансерка будто ненароком спросила:

– А что же вы, дедушка, здесь сидите, а не на празднике пляшете?

– Так нечем мне, миленькая, – добродушно улыбнулся старый Ероха, задирая штанину. Вместо левой ноги у него была деревянная культя.

Ниенна едва не прикусила себе язык со стыда. Тут же начала извиняться.

– Да ничо, внученька, я не обидчивый. Я и отсюда вижу хорошо, как будто сам там пляшу.

Он наклонился к некромансерке и заговорщически шепнул:

– Скажи чародеям своим, чтобы у местных парней ничего съестного не брали, а то понос прохватит, ни одно заклинание не поможет. Местные обижены на них, видно сразу. Ну ничо, дело молодое, приятственное. Когда ещё морды друг другу из-за девок бить? Не в старости же, когда ни ног, ни зубов, хе-хе.

И дед мelenько рассмеялся, а следом за ним и Ниенна.

– Скажите, а почему вашего отца-благодетеля в городской пансион не отправят? – вдруг решила она спросить. – Глу-

хонемому самое место в тепле под присмотром сиделки, а не в моельном доме. Он, поди, и не помнит, как печати на жальниках обновлять. Того и гляди, упыри из могил полезут.

– Не полезут, – помотал головой дед Ероха. – Туточки земля такая – ни мёртвым, ни полуживым из неё хода нет. Держит она крепко померших испокон веков, сами не встают. Ежели только кто им не поможет...

И глянул так, что Ниенне будто острым когтем по затылку провели, аж в дрожь кинуло.

– Я не собираюсь такой пакости делать, – тут же откритилась она. – Некромансия наука сложная и страшная, силе нашей строгий контроль нужен. Я только упокоиваю мертвецов с нечистой всякой... да душ сколько-то на тот свет перевела один раз.

И сердце будто сжала невидимая ледяная рука. Зачем чужому деду такое говорить? А ну как начнет выпрашивать подробности, которые до сих пор вспоминать страшно?

Но старый Ероха лишь кивнул:

– Славная ты девчушка. Вот и держись к нам поближе, за околицу не ходи, пусть мужики ваши сражаются. А твоя сила иная, она мёртвое с живым поменять местами может, а драться ею не слишком сподручно.

И снова Ниенне стало не по себе. Откуда дед этот выискался, такой умный? И не утерпела, будто за язык кто дернул, спросила:

– Дедушка, как считаете, это чудище, что девкам сердца

вырывает, живое или неживое?

– Живое, лапушка, живое, – Ероха с видимым расстройством пожал плечами. – Будь оно неживое, справились бы легче... Так что берегись, не твоя это битва, не хватит у тебя силушки. И в церкву лучше не суйся, на плохом месте она стоит. Отец-благодетель тебя от кровопивца не спасет в случае чего.

– Не буду, – пообещала Ниенна.

Довольно прищурившийся старик не заметил, как озорная девчонка скрестила за спиной пальцы.

Конечно, она постаралась замести следы. Сходила на площадь, послушала гусяра, купила у подошедшей торговли маковый калачик. Посмеялась от души, увидев, как Эдгар за углом старостиной избы втюхивает доверчивым местным парням приворотные зелья. Теперь деревенские смотрели на него с восхищением и немного с опаской. Небось, уже пообещал, что девки косы друг дружке станут драть за внимание столь желанных кавалеров.

Улочка кончилась у берега реки. Вправо, через небольшое репище, вела дорога к церквушке.

«Тут недалеко, – успокаивала себя Ниенна. – Если что, пошлю сигнального дракончика, Герда мигом примчится!»

Церковь производила удручающее впечатление. Ничем не огороженный двор, поросший лебедой и чертополохом. У самого здания, старого, покосившегося, валялся в пыли разбитый колокол. Как же они тут молебны служат?

«Видимо, никак, – мрачно думала некромансерка. – И печати на жальниках не обновляют. Повезло, что земля здесь с какой-то хитрой особенностью, покойники из неё выбраться не могут. Надо бы разузнавать у селян их местные легенды. Или до тетки Улиты дойти и спросить. Один хрен, ещё два с половиной дня тут торчать... И всё же, как хорошо, что во время заварушки с эльфами не было у меня подобной проблемы! Шиш бы я тут несколько сотен призраков из земли подняла, уплотнила и на тот свет отправила!»

От воспоминаний стало грустно, но разум работал, как часы. Чтобы подобная земля щедро отдавала захороненное в ней, надо обильно и регулярно поливать её кровью. Потому и в битве с остроухими, что столетиями измывались над представителями иных рас, победа досталась сравнительно нелегкой, но подъемной ценой – всего лишь девичьей миловидности лишилась да отчасти здоровья. Но ведь и сделано столько, что и помыслить страшно. И кем? Не королевским магистром, а сопливой адепткой-первокурсницей!

И тут ледяная волна дурного предчувствия ткнула её в висок изнутри: опасность! Рядом неживое!

Ниенна не успела даже сообразить, что происходит, как сзади на неё что-то прыгнуло. Некромансерка отшатнулась в сторону, одновременно разворачиваясь и сжимая пальцы – сплетая знак «небесного огня», что успокаивал любую низшую нежить, не умеющую говорить.

Она уже знала, почему местный отец-благодетель оглох и

онемел.

Отдачей от заклинания тряхнуло так, что лязгнули зубы. Вот леший, всё-таки не восстановилась до конца! Ниенна пальцами правой руки зажала нос, из которого хлынула кровь, а левой ладонью завращала в воздухе, сотворяя сигнального дракончика.

Меньше, чем через три минуты вся команда студиозусов столичной Академии материализовалась у развалившихся церковных ворот.

– Лялечка, ну что мне с тобой делать: на цепь посадить или к себе кандалами приковать?! – зарычал Альбрехт, на ходу выхватывая из ножен клинок. – Я кому сказал предупреждать о любой отлучке?

– Гля, парни, она служителя церкви Всеблагого Левия угробила! – ахнул Лясан, выглядывая из-за плеча лидера. – Кранты теперь, полетят наши головы!

– Это не служитель, – помертвевшим голосом просипела Герда.

– Не он, – согласилась Ниенна, рассматривая поверженную страховидлу с восковым полупрозрачным лицом, которую с человеком можно было перепутать лишь сослепу или спяну. Красные выпученные глаза, длинные грязные когти на пальцах и клыки, не вмещавшиеся в рот, довершали картину. На худощавом теле уродца давно не стиранной тряпкой болтался балахон служителя храма.

– Это что ещё за ху... дожество нарисовалось у нас под бо-

ком? – ошарашенно спросил Эдгар, почесывая шею, на которой уже алел след чьего-то поцелуя.

– Гулиус немотус, – ответила Ниенна, вытирая нос платком, который ей сунула Азали. – Питается силой и кровью хозяина-мага, выполняя за него всю черную работу. Не говорит, почти не слышит и вдобавок не видит так, как люди. Но нюхает, читает мысли и передает отдельные образы своему господину. Долгое время может притворяться человеком, отводя народу глаза, солнца не боится, без прямого приказа атаковать не опасен.

– Так что же получается, эта тварь... – начала было Азали и ахнула, зажав рот рукой.

– Тварь служит неведомому магу, с которым они год назад благополучно где-то прикопали настоящего отца Генриха. Слушает исповеди жителей, подмечает, кто чем живет, куда ходит и как часто остается один, а потом передает информацию хозяину, – подтвердила её догадку Ниенна. – Поэтому-то злодея, убивающего девок, и не могут до сих пор изловить. Сам маг сидит в деревне под личиной селянина или барина, или шут знает кого. И он, кстати, нас видел. И прекрасно знает, зачем мы здесь. Иначе упырь меня бы не тронул, а просто притворился отцом-благодетелем, который ничего не слышит и вообще очень занят.

– Так нас вся здешняя округа видела! – едва не застонал Эдгар. – На площади без малого человек пятьдесят было. А кто не доехал ещё на празднество, тем про нас расскажут,

ещё и приукрасят.

– Значит, круг поиска расширяется, – развела руками Ниенна. – Но в одном мы можем быть уверены точно.

– И в чем же? – насторожился Альбрехт.

– Эта сволочь – некромансер. Сильный и давно колдующий, раз умеет тьмой становиться. Но, вероятно, плохо обученный. Гулиуса держал на голодном пайке, я с одного удара его упокоила. Значит, силу копит для чего-то важного.

– Узнать бы, для чего, – скрипнул зубами боевик.

– Узнаем, – пообещала Ниенна. – А теперь надо в деревню возвращаться. Предлагаю показать селянам чудище, чтобы они решили, будто их проблема исчезла, и расслабились на празднике. Сами же глядим в оба: паскудник неминуемо объявится. Бережем девок, не отпускаем от себя далеко. Я ещё попробую на кладбище местное сходить. Покойники тут, говорят, не встают просто так. Вот и узнаю, что же произошло со здешней землей, раз она мертвецов не выпускает. И хорошо бы упыря сжечь до темноты, а прах закопать. А то очухается ночью, тьфу-тьфу-тьфу...

* * *

Хоронили упыря всей деревней.

Сначала, конечно, бабы поплакали об отце Генрихе, который был примерным во всех смыслах человеком – и исповедовал толково, и службы вел справно, и от чарки вина, ежели не в пост подносили, носа не воротил. Затем от души попле-

вали на тело кровососа, чья морда в опустившихся сумерках стала выглядеть ещё паскуднее, и пожелали ему вечно корчиться в адских котлах с кипящими нечистотами.

А после того как тело предали огню, в деревне наконец грянул долгожданный праздник.

Напрасно Эдгар нахваливал доверчивым парням свои приворотные зелья. Хорошенькие селяночки вились, будто пчелки, вокруг столичных боевых колдунов. У тройки Альбрехта развязались языки, и Лясан с Эрлом наперебой начали рассказывать, как на прошлый Самайн «эльфов в капусту порубали, богине ихней паскудной жест срамной прямо у портала показали да такими выражениями благословили, что у неё уши острые в гармошку сложились, вот у лялечки нашей спросите, она всё видела!»

Ниенна согласно кивала. Послушать боевиков, так они сами всех победили, а Тридамат от одного вида вооруженных до зубов чародеев драпала со всех уродливых ног, аж призраков разогнала, до самого неба улетели. Но спорить с ребятами не стала. Пусть бахвалятся, девки же слушают, ахают, смотрят восхищенными глазами. Говорят, дело во все времена приятное – отдаться на милость молодой горячей любви, пусть даже на пару дней, пока задание не выполнят.

Говорят, да... Ей это всё равно не светит теперь, седой да бледной почище упыря. И мужика с огненным сердцем, о котором ляпнул оркский шаман, ей не сыскать вовек. Наверное, стоило бы приглядеться к парням попроще, вон тот

черноглазый высокий косарь посматривал на неё заинтересованно с самого обеда. Но теперь во взглядах, которые он украдкой кидал на некромансерку, думая, что та ничего не замечает, плескались изумление и страх. М-да... Девчонкой, в одиночку одолевшей кровососа, можно восхищаться. Любить и желать её – вряд ли.

Ниенна с грустью вздохнула, делая глоток из кружки с квасом. Хмельное она пробовать не стала, ни деревенский самогон на чертополохе, ни Эдгаровы настойки. Не рискнули накачиваться алкоголем Герда с Азали и, как ни странно, Альбрехт. С другой стороны, правильно – кому-то надо оставаться в строю и, в случае чего, защищать деревню.

Неподалеку загомонила детвора – здоровенный Бродди закончил катать всех желающих на руках, изображая «кару-сель», и теперь показывал «суслика», любимую малышей забаву в Острижском королевстве.

– Фуфлик бальфоооой! – смешно присвистывал он, делая страшные рожи. – Фуфлик злой, идет, вубы точит, фьесьть ваф хочет!

Дети хохотали, держась за животы. Азали, сидевшая рядом, посматривала на боевика с явной симпатией. И Ниенна её понимала. Бродди отказался вешать лапшу на уши сельским девкам, вместо этого с азартом возился с босоногими загорелыми сорванцами. Наверное, скучал по оставшимся дома пятерым младшим братьям и сестрам.

Рядом на лавку кто-то плюхнулся. Ниенна подняла глаза.

– Победили мы ту ложку, – довольно призналась Герда, устраиваясь поудобнее. – Правильно Азали думала: мышье зелье, да такое забористое, что держится на металле не меньше суток, никакой щелок не берет.

– Мышьяк? Откуда он в этой глуши? – удивилась Ниенна, а потом помрачнела. Ну конечно же. Некромант, поди, учился в одной из пяти чародейских академий Острижского государства, а составление и нейтрализацию самых известных ядов на первом курсе проходят все адепты.

– Мне тоже любопытно, подруга. Селяне травили бы дрянью типа болиголова да волчьего лыка, а тут руки не из задницы нужны и мозги какие-никакие. Дозу рассчитать ещё надо, чтобы подопытный копыта не сразу откинул. А здесь половина деревни читать порядошно не умеет. Только картинки в книжке твоей про чудищ смотрели, и то срамные им оказались интереснее обычных... Слушай, ты вроде как прогуляться хотела на кладбище? Может, сейчас и сходим, пока не совсем темно? Ты сама говорила, тут неупокоенных нет.

– Герда, только дурак в идиотских сказках лезет на кладбище ночью!

– Или некромансерка с боевичкой в поисках кровососов и чокнутых колдунов, которых можно порешить и денег за это поиметь, – не сдавалась Герда.

– Ага, натурой заплатят. Репой, в смысле, – рассмеялась Ниенна. – Чур, продавать её потом на дворцовой площади будешь ты!

Валькирия с некромансеркой встали, потянулись и не спеша побрели к околице. Конечно, идти на самом деле никуда особо не хотелось ни одной, ни второй, но сидеть было скучно. Это Эдгара вон не видно из-за обступивших его девок. Кудрявый красавчик, оказывается, умел не только драться и заговаривать зубы наивным дурочкам, но и справно бренчал на гусях и знал, кроме срамных частушек, ещё и с пяток старинных баллад о любви. Да и голос у него оказался на диво приятным. Неудивительно, что у деревенских против столичного щеголя не было никаких шансов.

За поворотом на местный жальник подруг ждал сюрприз в виде ковылявшего навстречу деда Ерохи. Старик вышел из пахнувшей медоносами темноты, как тот несчастный призрак из басни, чьих близких убили подлые враги, а сам он мстил им так долго, что успел скончаться в процессе, но дело своё так и не завершил. Вот и мается, и ходит по окрестностям, и стонет...

Дед Ероха не стонал, но лицо у него было грустным.

– Вы куда это ходили в темноте в одиночку? – сурово нахмурилась валькирия. – Сами же говорили никому за околицу не соваться, потому что чудище бродит вокруг и сердца вырывает!

– Моё сердце ему уже негодящее, – попытался было отшутиться старик, но наткнулся на холодный взгляд Ниенны. – Бросьте, девицы, чего со мной случится? Я каждый вечер по темноте на жальник хожу, чтобы на глаза никому не попа-

даться, а то начнут причитать, мол, куда ты, пень колченогий, свалишься ещё по дороге. Увяжутся провожать, а зачем они мне у могилки?..

И Ниенне снова стало неловко. Как ни крути, а впотьмах некромансер всегда узнает коллегу по едва уловимому фиолетовому сиянию-ауре, её никакими скрывающими заклятиями не спрятать. Ничего подобного у деда не наблюдалось.

Но всё же было в нём что-то такое, несвойственное обычным людям. Сила, но мягкая и текучая, засмотришься – исчезнет, а ты стоишь и моргаешь, как дурачок, и думаешь: померещилось или нет?

Герда, видимо, тоже считала настроение старика.

– Кто у вас там, дедуль? – прямо спросила она.

– Все, – просто и грустно ответил дед Ероха. – Жена, друзья, сродственники...

И показал кувшин, зажатый в узловатых дрожащих пальцах:

– Я вот внученьке молочка носил. Страсть как она его любила, особенно холодненькое, да поутру с оладушками. А женка моя их пышными готовила, с подушку размером. Ни у кого в селе такие не получались! Эх...

Подруги стояли, потупив взгляды в землю. У Герды полыхали щеки, Ниенне же просто было очень стыдно. Неудивительно, что дед держится особняком, не жалует праздники и охотно общается лишь с детьми. Какое уж тут веселье, когда вся семья, включая младших, на жальнике закопана, а он

один-одинёшенек на белом свете?

– Эпидемия? – глухо спросила она.

– Колдун, – вздохнул дед. – Тот самый, что девок забижает.

Ниенна остолбенела.

Получается, дед знает намного больше, чем пытается показать? А что же молчит тогда, не рассказывает ничего? Они ж не селяне неразумные, а маги, прибывшие расправиться с поганцем, им нужно знать о происходящем как можно больше!

Некромансерка только набрала в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться гневной тирадой, как вдруг тишину расколол истошный девичий визг.

Кричали с площади.

Герда махом выхватила оба клинка из ножен и рванула назад в деревню.

– Беги, чего стоишь?! – вдруг зло рявкнул на Ниенну дед. – Не тронет он меня! Остальных сберегите! Охти, горе мне, ну чего попёрся, не дождавшись, пока спать все не лягут...

Что-то в его словах не понравилось Ниенне, но думать над сказанным было некогда: она понеслась за Гердой, практически не отставая. Всё-таки тело восстанавливалось после пережитого прошлой осенью, хвала всем богам, кроме паскудной остроухой.

В ярком свете фонарей и факелов по площади катался

огромный туманный клубок тьмы с красными злыми глазами. Их и впрямь было не счесть! Клубок издавал скрежетание и визг, сравнимый разве что с воплем пьяной баньши.

Ревел он от злобы и бессилия, ибо вся огромная толпа селян оказалась недоступной. Бродди с кучей разновозрастной малышни стоял в огненном круге, что пыхал пламенем выше человеческого роста. Длинная лавка, на которой сидела Азали с несколькими деревенскими старухами, медленно вращалась в воздухе на высоте не менее пяти аршин. Бабки, бледные как полотно, судорожно сжимали края лавки и не шевелились.

Альбрехт с Лясаном и Эрлом держали вокруг остальных селян светящееся кольцо, одновременно плюясь в глазастую мглу огненными стрелами. Ниенна с ужасом поняла, что члены боевой тройки пьяны в стельку, и рванула вперед ещё быстрее – пока парни не промазали и не подпалили чью-либо избу.

Туманный клубок гневно ревел, но не мог прикоснуться к людям. А до жилья, где оставались совсем малые да старые, ему не давали добраться боевики. Удивительно, но простейшие атакующие заклинания срабатывали на отлично.

Но едва некромансерка подумала, что неведомый маг не так уж силен, как тьма вытянулась на высоту в два человеческих роста, превращаясь в столб, и глянула на неё многочисленными глазищами.

«Зачем ты с ними? – острой иглой ввинтился в голову чу-

жой голос. – Иди со мной, и мы вместе завоюем эту землю!»

– Спасибо, мне своей земли хватает, – ядовито ответила Ниенна. Ничего, что родители за побег из дому лишили наследства и угодий родовых: перебесятся, поймут со временем... – Её у меня столько, что и тебя похоронить хватит.

– Так сссдохни, сссстерва! – завыл неведомый чародей и кинулся в атаку. Заклинание защиты, что едва успела сплести Ниенна, смяло чужим ментальным порывом, как карточный домик. Некромансерка закричала от ужасающей боли в висках, замотала головой...

Через миг стало легче – это Герда угостила напавшего парочкой огненных стрел. Но Ниенна видела, что сил у подружки не так много: валькирия накануне плохо спала, а сегодня плохо ела. Ей бы подремать в обед, да не вышло, дел оказалось по горло. Остальные боевики были сыты, но пьяны, а значит, на колдовство тратили в два раза больше сил. Скоро и они иссякнут, а эликсиры – в сумках в избе старосты, до которой ещё добежать надо...

И тут чудище развернулось и с ликующим ревом поплыло к ближайшему амбару. Сейчас, когда время урожая ещё не пришло, там хранилась лишь прошлогодняя солома.

– Девки, – зарокотало оно, принимая образ огромного человека. – Много!

Уродливые мглистые руки потянулись к покосившейся двери.

«Откуда там девки?!» – едва успела подумать Ниенна, как

дверь распахнулась сама, без чьей-либо помощи.

Внутри проема полыхало огнем от пола до потолка. Пламя рвануло наружу, и туманный маг с диким криком отшатнулся в сторону, снова за клубился чернильной глазастой тьмой.

Следом на площадь шагнул Эдгар, вытягивая вперед руки с поднятыми ладонями. Пламя повиновалось его воле, как живое. В кудрявых волосах запутались соломинки. Боевик шел босиком по траве, словно невинное дитя из обители Всеблагоего Левия. То самое, крылатое, что испокон веков посылает невидимые стрелы даже в черствые сердца, заставляя их любить.

Одежды на нём было примерно столько же.

Герда, стоящая рядом, изумленно присвистнула.

– Теперь я понимаю баб, что за ним бегают, – шепнула она.

– Сожри своё сердце, упырь! – рявкнул Эдгар и добавил в адрес неведомого мага пару непечатных выражений.

Из амбара смущенно захихикали. Через миг из темноты показались три головки – две рыжих и одна черная, с длинной косой. И чудище заревело вновь, готовясь атаковать нахального молодого колдуна, что мешал добраться до вожаемой добычи.

Видимо, Эдгар тоже это понял, потому что рявкнул: «Назад все трое, немедленно!»

Туманный злодей увеличивался в размерах, обрастая подозрительными на вид шипами. ещё несколько ударов сердца – и они станут твердыми и острыми, как стекло, Ниенна

знала это заклинание. И противостоять нечем, сил практически не осталось...

Идеи, приходящие в миг, опасный для жизни, лишь потом кажутся идиотскими. Сейчас же мысль, вдруг возникшая в беловолосой девичьей головке, показалась весьма дельной.

– Эй, некромансер! – звонко окликнула Ниенна враждебно настроенного коллегу. – Суслика покажи!

– К-какого сссффуслика? – опешило чудище. – Ссс ума ссссофла?!

Дети, стоящие около Бродди, захихикали: неведомый колдун говорил ну точь-в-точь как их новый веселый знакомец. Только тот притворялся шепелявым, а этому и не надо было.

Среди взрослой толпы тоже раздались едва слышные смешки.

– Как какого – кривомордого и беззубого, – мигом включилась в разговор Герда. Паскудно ухмыльнулась и добавила: – У тебя это получается лучше, чем нас убивать. Всё ж польза на празднике, людей хоть повеселишь...

– Да вы ффсссе фффдохните ффтрашной фмертью! – взвыл некромансер, мигом вырастая выше крыши самого большого дома.

Но было уже поздно. Смех, как известно, не только продлевает жизнь, но и портит творящиеся рядом заклинания, затрудняя их прохождение в эфире. А уж когда над тобой смеется вся деревня...

С угрожающим воем мглистое облако полыхнуло фиоле-

товым огнем – и распалось на мелкие туманные клочки, которые растаяли в воздухе.

А площадь содрогнулась от ликующего рёва. Сельские парни, ещё днём смотревшие на гостей с недовольством, едва дали Эдгару натянуть портки, чтобы затем подхватить его, остальных боевиков и благодарственно подкинуть несколько раз в воздух. Бабки наперебой отпаивали уставшую, но довольную Азали квасом и молоком.

«Завтра наша целительница из нужника не выйдет от такого разнообразия напитков», – лениво подумала Ниенна. Краем глаза некромансерка увидела ковыляющего к площади старого Ероху и с облегчением выдохнула. Кем бы ни был этот странный дед, он явно не желал людям зла.

А об остальном она обязательно узнает завтра.

* * *

Деревянная лавка в избе старосты, на которой разместили Ниенну, оказалась удобной. Может, потому что была широченной, как сундук, а огромный тулуп, который хозяин щедро постелил вместо перины «славной губительнице упырей», – мягким, как пушистое облако.

Мешал только храп Герды, к которому под утро добавились зудящие шепотки хозяйки и двух соседок, ладивших тесто на пирожки.

– Агашка с утра к колодезю за водой прибежала румяная да веселая. Рассказывала чудное: у столичного милсдаря, что

злодея ночью по матушке приложил непотребно, под одеждой волосьев никаких нет. Девки-то хохотать начали, а он на них посмотрел ласково и молвил, мол, дурёхи вы деревенские, ничо не понимаете, в столицах только мужланы сиволапые шерсть на теле растут, а приличному, сталбыть, гражданину треба лишнее убирать, ибо он есть человек разумный, а не обиззяна дрессированная. И пахнуть ему должно приятно, а не козлом смердячим... Ой, срам-то какой, бабоньки!

– Срам, срам! – запыхтели вполголоса соседки. – Охти, в столицах этих чаво творится, нельзя туда детей пущать ни на работу, ни грамоту изучать, а то срамоту енту ещё и домой притащат, позору семье на всю округу будет!..

Ниенна поняла, что подремать ей всё равно не дадут, и встала. Поздоровалась с хозяйкой и гостями, выпила предложенный стакан молока. Пообещала явиться к утренней трапезе, поправила на спящей Герде одеяло и вышла из избы.

Утренний туман окутал деревеньку пухлыми клочками, похожими на огромные цветы заморского хлопка. Где-то невдалеке мычали коровы. Из прославившегося на всю деревню амбара доносились хоровые мужские стоны.

– Ниенка, как хорошо, что ты встала! – выскочила ей навстречу Азали. – Выручай, отнеси баричу Репняному и его отцу противоядие, да проследи, чтобы они всё выпили! Нельзя время терять, а я оторваться не могу: вон, лежат го-

лубчики, помирать собрались...

Ниенна, ахнув, бросилась под крышу амбара.

Как оказалось, помирала боевая тройка Альбрехта – от банальной утренней похмельной болезни. Легче всех отделался Бродди: он молча сидел в углу и пил пахнущую укропом жижу, черпая её прямо из кадушки с солеными огурцами. Эрл с Лясаном лежали вповалку на тюках соломы и стояли, прикладывая к вискам мокрые рушники. Рядом валялся тяжело дышащий Эдгар, держась за голову правой рукой. Левая была туго перетянута тканью.

– Вывихнул ночью плечо и набил огромную шишку на затылке, – наябедничала Азали. – Даже знать не хочу, при каких обстоятельствах! Толку с них сегодня не будет, как минимум, до обеда. Ни в бой, ни в...

Последнее слово от воспитанной целительницы слышать было странно и смешно. Ниенна покачала головой, спросила, где Альбрехт, узнала, что лидер их команды ставит ещё один магический щит по границам околицы, взяла у Азали крохотный кисет с двумя пилюлями и со спокойной душой отправилась к баричу Ивору с папашей.

«К деду Ерохе попозже зайду, сначала помогу отравленным, – думала Ниенна, пересекая по вытоптанной дороге поле с репками, за которым и стояла усадьба. – Заодно спрошу, не знают ли чего. Вряд ли они служат злему некромансеру. Если подумать, живые, здоровые и оболваненные магией господа полезнее, нежели мёртвые. Тем более, гад явно хо-

чет землю в единоличное пользование захватить, и для этого разгоняет из округи всех мало-мальски крепких колдунов, истребляя поодиночке или запугивая. Но зачем?»

Оставался один вариант – спросить напрямую у старого барина, может, он знает, чем прославился этот край в былые времена. Вряд ли поганцу нужна репа и прочая растительность, в изобилии дающая цветы и плоды. Не деланку же папорового цвета он собрался тут выращивать. Да и с вырванными сердцами странное дело, будто ритуал кровавый пытается провести. Злое чернокнижие в Острижском государстве лет двести уже под запретом, ну так и некромансер этот – явно не законопослушный гражданин.

Ивор Репняной обнаружился прямо во дворе. Взошедшее солнце щедро золотило мягкими лучами гигантских размеров задницу, поднятую к небу. Барич занимался богоугодным делом – бил земные поклоны и бормотал под нос молитву Всеблагому Левию об избавлении от помыслов грешных. Ниенна с приятным удивлением заметила, что одежда на молодом помещике чистая, да и сам он не выглядел неопрятно. Увы, по-прежнему неприятно пах, но теперь некромансерка понимала, почему.

Услышав шаги, Ивор поднял голову и с видимой радостью вскочил на ноги. Похвастался, что срамные мысли посещают его всё реже и на хмельное почти не тянет, но тут же пожаловался на рвоту и боли в животе. И тогда Ниенна вытащила из кармана украденную ложку и пилюли в мешочке.

– Мышь зелье? – позеленел лицом Ивор после окончания рассказа. – То-то меня, простите, милсдарыня, блеватикидаёт уже еженощно! И требуха болит, токмо сладкое принимает, а зелень и овощи – нет... Знаю я, кто это содеял!

Он с опаской оглянулся по сторонам и потянул некромансерку за собой в усадьбу.

– Слуг нет, с праздника ещё не вернулись, токмо мы с батюшкой в доме, можно не бояться, – зашептал он. – Управляющий наш всё это затеял, голову на отсечение даю! Уж не знаю, колдун ли он, да только второго такого пакостника в мире не сыскать! Но батюшка его слушает, говорит, что все вруны да подхалимы, один Сапек честно служит и правду говорит, ежели надо. Батяка-то у меня прямой, лести не любит. Давеча наслушался этого проходимца и плакал, просил отца-благодетеля привести, чтобы исповедаться перед кончиной. Говорит, за грехи пращуров наших молиться ещё до седьмого колена придется. Сильно предок наш накуролесил тут в своё время.

И Ниенна услышала удивительную историю.

В незапамятные времена, когда гуси-лебеди ещё воровали детей, основатель рода Репняных, разбойник и душегуб, закрыл где-то на здешних полях несметные богатства. Ибо грабил и стяжал всю жизнь, а была она у него ох какой длинной. Закрыв клад, принесся страшные жертвы – трех дочерей своих, которым самолично вырвал сердца и окропил нечистое золото их кровью. С тех пор земля крепко держит сокрови-

ща, не выпускает. Многие хотели их достать, да только не получалось.

– Легенды бают, лишь потомки рода Репняных могут клад найти. Да только мы отказались от этой затеи. Я, может, и любодей, да только убивать не стану и проклятое золото мне не надобно! – твердо заявил барич, ведя Ниенну по скрипящим ступенькам наверх, в комнату отца. – Батюшка со мной согласился, хотя упырь этот, Сапек, его уговаривал, мол, разбогатеть можно, пять деревень ещё отгрохать. А как отказ получил в третий раз, успокоился. Да только дня через два мы и начали чахнуть...

Ниенна только качала головой. Хитер, стервец! Вероятно, страшный ритуал действительно помог привязать поиск сундука к роду Репняных, к их крови. Вот только девок в нынешнем поколении нет, а с жертвоприношения старика да рыхлого и слабого юнца толку не будет. Проще загубить весь их род под корень и попробовать взять количеством. Рано или поздно земля насытится кровью и откроет свои тайны.

Но как здесь замешана семья деда Ерохи? Сплошные загадки и недомолвки!

Барин Никула действительно лежал в кровати, исхудавший почти до состояния скелета. И плакал потихоньку, держась за живот и бормоча что-то про грехи. Ниенна ласково коснулась пальцами его лба, накладывая заклинание подчинения, а затем скормила заулыбавшемуся старику пилюлю.

– Я ему внушила, чтобы ничего не ел пока, особенно из

рук управляющего, – шепнула она, когда старик откинулся на подушки и закрыл глаза. Средства Азали оказались выше всяких похвал: на худые щеки быстро возвращался румянец. – Варите ему бульоны да каши. Яд в теле после принятия лекарства выведется за трое суток, а противоядия хватит примерно на сутки, завтра ещё принесем.

– Прегрешения наши тяжкие, – вдруг тихо прошептал старик сквозь сон. – Злодей дочек погубил, репяные хранители его прокляли, и через то род наш проклят...

– Какие хранители? – удивилась Ниенна.

– Бабы сказки, – отмахнулся Ивор. – Говорят, тут в незапамятные времена три волшебных зверя и три колдуна жили, вроде как хранители этой земли. И плодоносила она раз в десять сильнее, чем сейчас: палку воткнешь – через час цвести начинала. А сейчас только репа растет, да огурцы всякие, да пшеница... Неправда это всё, вы же, милсдарыня, ученая грамоте, понимать должны. Как бы звери, пусть и волшебные, могли землю и людей охранять? Чай, не огнедышащие драконы.

Ниенна спорить с баричем не стала. Но про диковинных зверей зарубку себе на памяти сделала: спросить у местных селян.

Распроставшись с Репняными, она отправилась назад. Утро плавно перетекало в полдень, и некромансерка решила заодно зайти и на местный жальник. Всё равно по пути. В деревне сейчас все заняты работой, не до болтовни.

Жальник встретил её покосившимися ржавыми воротами, на которых висела погасшая печать Всеблагого Левия, призванная сдерживать упырей и других нечистых, а также заставляющая мертвецов чинно лежать в могилах, не восставая из гроба и не пугая честной народ. Ниенна почуяла, как холодок ползет по спине. Такого святотатства она ещё никогда не видела. За жальниками должен быть строгий контроль: свежего мертвяка может поднять из могилы и студиозус, смеха ради. А превратить его в упыря, что повыест всю деревню, – обычная девка, пролившая слишком много слёз над могилой. Просто по незнанию. Потому и горят над кладбищами всего Острижского государства печати, дабы невежество людское под контролем держать.

Ниенна машинально высекла из пальцев поисковый «маячок» и отправила его гулять по окрестностям. Не крадется ли урдалак или стрыга по заросшим травой тропкам, не жаждет ли свернуть белоголовой девчонке шею?

Но нет, на жальнике было тихо. А когда спустя пару минут «маячок» вернулся в руку владелицы, некромансерка и вовсе замерла от удивления.

На этом кладбище не могли восстать из гроба даже самые свежие мертвяки. По одной простой причине: оно было накрепко запаяно сильными некромансерскими чарами. Да тут, поди, тоже человеческой кровью закрывали! Ох, Милосердная Смерть, что ж такое творится, что за гадюшник развелся в Щедром Pole и его окрестностях?!

Сильнее всего было наколдовано в углу, где за ровненькой свежей оградкой высились пять крестов. Одна могилка была для взрослого человека, остальные поменьше. Детей хоронили, может, даже младенцев. На могилке, крест которой обвивали цветочные венки, стояла кружка. Ниенна заглянула внутрь – молоко. На соседней, что предназначалась взрослому, стояла тарелка с расклеванными воронами оладушками, пригоревшими, плоскими, явно испеченными неумелой мужской рукой.

И на всех было рассыпано зерно и разбросана пошинкованная репка.

У Ниенны перехватило гортань: мигом накатили собственные переживания, до сего дня успешно подавляемые. Она села на лавку, тоже новую, тщательно обструганную, и заревела.

Что она оплакивала? Свою боль, покалеченное тело, почти иссякнувшую силу? Мать с отцом, что так и не поняли, почему она сбежала из дома и отказалась выходить замуж за старого маркиза, который для шестнадцатилетней девчонки был страшнее эльфовской богини Тридамат? Или любовь, которой никогда в её жизни не случится, ибо напророченного мужика с огненным сердцем не существует на белом свете?

Горе деда Ерохи, странного старика, который сам то ли человек, то ли дух, то ли нечисть, раз его родню держат под землей, но которого всё равно жалко так, что сердце рвется

на части? Девоч, которым красивый парень светит лишь на праздник, а поутру, в лучшем случае, – золотая монетка, кинутая в подол? Богатое приданое, купленная на эти деньги корова – и пропахший потом да хмелем муж, который никогда не сравнится с ласковым столичным чародеем?

Когда некромансерка очнулась и подняла голову, солнце уже клонилось к закату. Она ахнула, торопливо вытерла слёзы и побежала к выходу, потирая бурчащий с голодухи живот. Хороша гостья: обещала прийти к старосте на завтрак, а явится в лучшем случае к вечерней трапезе!

Нехорошее предчувствие кольнуло Ниенну ещё на выходе с поля. Отсюда по прямой дороге до околицы оставалось от силы полверсты, но уже было слышно, что в деревне ни звука. Не мычали коровы, не визжали дети, не ругались мужики, возвращавшиеся с покоса, не пели о любви девки.

Некромансерка вбежала в ворота, едва переводя дух, и с ужасом поняла, что предчувствие её не обмануло. Растерянно огляделась по сторонам. Где боевики? Где Азали с Гердой?

– Внученька, – тихо позвал её дребезжащий старческий голос.

Она обернулась и увидела сидящего в кустах деда Ероху. Судя по лицу, тот тоже недавно плакал.

– Беда, внученька: старый барин при смерти, – торопливо заговорил он, с кряхтением выбираясь из зарослей чертополоха.

– Не может быть! – ахнула Ниенна. – Он поправлялся, я ему с утра лекарство носила!

– Господин Сапек так сказал, – развел руками старик. – И заявил, мол, перед смертью барин хочет деревенским раздать имущество, чтобы за упокой его души Всеблатому Левию молились. Вот и пошли они, я тут один остался. Мне чужое ни к чему, золото-серебро тем более.

– А наши боевики? А Герда с Азали? – опешила некромансерка.

– Тоже ушли, за порядком следить и от чудища спасать, в случае чего. Не нравится мне это, внученька, ой не нравится...

Ниенна застыла на месте.

Альбрехт с утра ставил защитные заклинания на околице, ни один некромансер бы не пролез. А управляющий явился и увел всех людей из безопасного места!

Она задрожала так, что лязгнули зубы.

– Дедушка, ваш господин Сапек и есть некромансер, – прошептала Ниенна. – Не в усадьбу он их повел добро делить, а за сокровищами барскими. Жертву принесет массовую, и откроется ему место, где зарыт проклятый клад. Я с утра была у Репняных, противоядие давала. Видать, он понял, что старый барин с сыном вот-вот на поправку пойдут и затея его провалится. Потому и решил одним махом убить всех зайцев. Деревенские окропят своей кровью землю, некромант получит золото, а обоих Репняных в кандалы

да на казнь – за то, что допустили массовое убийство на введенной им земле...

Некромансерка опустила в траву и закрыла лицо руками.

– У меня почти нет сил, я калека! – снова заплакала она. – Я полгода назад богиню Тридамат в небытие отправила и несколько сотен загубленных душ освободила, через то здоровье потеряла. Мне вовек его не одолеть, а ребята с селянами ушли!

Старик молчал. Затем Ниенна почувствовала, как сухая узловатая рука гладит её по голове.

– Не реви, внученька. Будем обходиться теми силами, что у нас есть. И твоими умениями.

– То есть? – удивилась некромансерка, вытирая глаза.

Старик смотрел на неё с грустью – и странной надеждой.

– Сейчас не надо сражаться с богиней и освобождать призраков, деточка. Подними из могил семью мою, томятся они в плену много дней. Не выпускает их земля, скованная чужим заклинанием.

– Неупокоенных мертвяков создать и выпустить?! Да вы, дедушка, никак ополоумели? Представляете, что случится, если вдобавок к некромансеру по округе будут ходить упыри или ещё кто похлеще?

– Там не мертвяки, – покачал головой старик. – И других способов нет. Пойдём скорее, иначе случится беда.

– А что же там, в тех могилах? – Ниенна вскочила и ри-

нулась за стариком. Тот поспешал на удивление быстро для человека, у которого одна нога деревянная.

Дед не ответил сразу, торопливо ковыляя через репяное поле к кладбищу. И лишь один раз по дороге обернулся:

– Там наше спасение.

* * *

Еще на подходе к кладбищу Ниенна поняла: что-то не так. Дошло спустя лишь минуту, непростительно долгую в их с дедом Ерохой ситуации.

По кладбищу брели, раскачиваясь на полуистлевших ногах, немертвые. Были среди них и совсем усохшие мумии в тряпье, в котором с трудом угадывалась военная форма прошлого столетия, и босые селяне, у которых из нажитого добра был один худой сюртук, и раздувшиеся, ещё истекающие кровью и гноем девицы – все, как одна, с дырками в груди.

Ниенна едва успела прыгнуть с тропинки в канаву возле ограды жальника, дернув деда за собой. Тот упал и неловко покатился через скошенную траву, но приземлился удачно – на здоровую ногу.

– Простите, дедушка, но не до церемоний. Сожрут вас твари и не поморщатся, а у меня не хватит сил и на вашу защиту, и на бой с поганцем. ещё и родственников ваших за каким-то лешим поднимать... Гляньте, вон в той разношерстной толпе их нет?

– Нет, внученька, Сапек их ни за что не отпустит, он, скорее, ещё пару заклинаний сверху наложит, чтобы не выбрались ни за что, – ответил дед, тяжело дыша. – Тебе не надо меня защищать, я для другого пригожусь. Сбивай заклинания, освобождай моих и набирай силу, твоя подмога друзьям будет очень нужна. Они не справятся с некромансером, сама же знаешь.

– Дедушка, да где ж я возьму столько силы за короткий срок! – взвилась от ярости Ниенна, и вдруг замерла. Леденящий ужас пополз по желудку до самого горла. – Нет, ни за что! Вы с ума сошли!

– Да, внученька, – со спокойной грустью ответил дед. – Ты ведь знаешь, что делать, просто до сих пор мысли такой не допускаешь. Моей крови хватит, чтобы сломить заклинания паскудника, а жизнь забереешь ты.

Ниенна знала темные ритуалы, позволяющие за краткое время накачаться силой и одержать победу даже в самой нелегкой магической битве. Все они были завязаны на смерти жертвы, которая истекала кровью. Ведь именно в крови и заключается жизнь, потому её так любят упыри всех мастей. Лиши их живительной влаги – и в скором времени чудища рассыплются в прах.

Знала в теории – и не ужасалась существованию такой мерзости. Иногда ситуация бывает безвыходной, и, если кто-то поднял целое кладбище мертвяков для защиты жителей села или города, убийство одного человека не порицалось

по закону. Совершившего ритуал некромансера никто бы не осудил, даже сама жертва. У каждого были дети или родители, мужа или жены, за которых не страшно отдать жизнь.

Но она же просто девчонка, отучившаяся всего год на некромансерском факультете! Ей семнадцать исполнится только в начале зимы! А что спасла кучу народу от эльфовой богини – так исключительно из чувства справедливости. Нельзя допускать, чтобы дети мучились под пытками, а из близкой подруги делали сосуд для потусторонней твари!

Но смогла бы она для спасения Герды убить, к примеру, маленького Ленка, если бы он был жив? Ужасный выбор! Ниенна затрясла головой, пытаясь избавиться от страшной картины перед глазами.

Дед Ероха будто понял её смятение.

– Надо, миленькая, сама же знаешь, – сочувственно вздохнул он. – Не бойся, я всё равно по-настоящему не живой, так что и умереть до конца не смогу. Просто дам тебе силу для первого боя. Дальше мы вместе придем на помощь.

– Вместе с кем? С ожившими родственниками?

– Увидишь, – коротко ответил дед. – Понимаю, как тебе страшно и как совестно. Но ты мне просто поверь.

Он положил суховатую руку ей на плечо, и Ниенна удивилась тому, как пышет жаром от едва живого старика.

– Мне плохо быть человеком, – прошептал он с тоской, и по изъеденной морщинами щеке скатилась слезинка. – А моим родненьким плохо там, под землей. Разъединил он нас,

сволочь: меня в ледящее тело отправил, а их – к мертвецам под землю, мы даже лица его не запомнили... Да только не знал он и не гадал, что ещё один некромансер у нас в округе появится. Выручай нас, девонька. Иначе погибнут все, и эта деревня, и остальные. За сундуки с золотишком да за тряпки, расшитые жемчугами.

Ниенна сглотнула шипастый комок в горле и вытерла мокрые щеки:

– Хорошо, дедушка. Пусть будет, как вы скажете.

Это выглядело так просто – в старых пыльных фолиантах, что лежали в библиотеке. Или на практикуме, где ритуал отработывался на глиняном големе, в которого подобие жизни вдыхало заклинание декана Удмертия. Короткая формула – и короткий удар клинком в сердце. Для поднятия из земли немертвых, что будут по велению дипломированного некромансера защищать людей от чудищ или злодеев-душегубов, – взрезать жилы на руках и ногах и дожидаться, пока кровь обильно окропит жальник. А уж затем – последний удар, чтобы забрать вместе с жизнью остатки силы и встать в бой рядом со своими созданиями.

Всё это отработывалось ради блага живых, что были умозрительными представлениями, бесплотными силуэтами в её же собственной голове. А здесь помощь понадобилась людям, которые утром угощали её парным молоком. Которые накануне в амбаре жарко целовали её друга и соратника. Которые с визгом катались на плечах её другого товарища, про-

сили рассказать сказку, а затем доверчиво жались к ногам большого и сильного боевого мага. В надежде, что он спасёт их от злого некромансера.

Но на этот раз он никого не спасёт. Живое всегда побеждает мёртвое – если игра долгая. На коротких дистанциях служители Смерти сильнее.

Дед стоял перед могилами родных, утирая слёзы:

– Потерпите, родненькие, скоро вас освободят. Скоро нас всех освободят.

И протянул к Ниенне ладони, закатив предварительно рукава.

– Давай, девочка. Нельзя терять ни минуты. И помни, надо держаться. Мы скоро придем на помощь.

Ниенна стиснула зубы, вдохнула, выдохнула – и, читая нараспев заклинание, полоснула деда Ероху по запястьям.

* * *

Затея идти к барину на ночь глядя Герде сразу не понравилась. Она пыталась отговорить селян тащиться куда-то в сумерках из безопасной деревни, когда по окрестностям бродит полоумный маг-некромансер, но куда там! Мужики не стали её слушать, а девки и бабы жалобно заканючили, мол, всё самое ценное расхватают, а жизнь и так небогатая и несладкая, в трудах да заботах...

В общем, пошли все вместе, толпой в несколько десятков человек. Дети, как всегда, облепили Бродди, а девки –

остальных боевиков. Азали шла рядом со вчерашними бабками, приглядывая, чтобы те в сумерках не переломали ноги.

А у Герды было беспокойно на сердце. Где же Ниенна? Как ушла к баричу с утра, так и пропала. Не случилось ли чего?

Тревога усилилась, когда у ворот поместья Репняных селян встретили разъяренные слуги и под собачий лай принялись гнать назад. Услышав про смерть барина, озлились ещё больше и пожелали тем, кто это сказал, «чирьев на лживый язык и на всю жопу». Заявили, что оба господина спят, и «убирайтесь-ка подобру-поздорову, пока целыми остались!»

За перепалкой не заметили, как цепные псы вдруг жалобно заскулили и полезли прятаться под крыльцо. А мохнатый и злющий вожак стаи вдруг так обреченно завыл, что у Герды кровь заledenела в жилах.

Через миг тоненько заорал кто-то из детей.

– Мёртвые, мёртвые идут! Когтищами грозят, нас жрать будут!

Дальше началось светопреставление. Толпа людей выломала ворота, пронеслась через весь двор, повалила на землю забор и выбежала на огромное репяное поле, только с другой стороны от деревни. Над уходящими к горизонту грядами подмигивала мертвенно-белым глазом полная луна, в сиянии которой сновали летучие мыши.

Слуги барина рванули за односельчанами – ужас охватил

всех.

– Готооооовсь! – раздался сзади басовитый рев Альбрехта. – Клинки обнажить, эликсиры выпить залпом и до дна!

Герда тут же схватилась за пузырек, висящий на поясе. Проглотила тягучую жидкость, от которой мигом прояснилось в голове, а жилы будто заполнились игристым вином. Сжала рукояти двух коротких, но острых сабель.

А затем увидела их. Страшных, иссохших от времени – или, наоборот, не успевших полноценно окоченеть, едва передвигающих налитые страшной *не-жизнью* ноги. Дети и бабы подняли визг.

Впереди шел тощий мужик с крючковатым носом и кривыми, как крысы хвосты, неприятными усиками.

– Сапек! – ахнула одна из старух. – Так это ты наших девок загубил, подлец окаянный?!

– Молчать! – взвизгнул некромансер, аж уши заложило. И уже более спокойно добавил: – Надоели вы мне до печенок и праздники вашшши тоже. Гнить вам в полях, кровью землю поливая. Золото ссссебе заберу, а Репняных на эшафот отправлю, пусть сссдохнут тоже, трусы никчемные!

А дальше шепелявый взмахнул руками и люди застыли на месте. Герда с ужасом оглядывалась по сторонам и видела, каким растерянным становится привычно жесткое и волевое лицо Альбрехта, как оседает на землю Эдгар, как страшно кричит вцепившаяся в его руку одна из рыжих близняшек, а затем резко замолкает и тоже падает. Как тоненько скулят

дети, вторя собакам в поместье, как кряхтят мужики, пытаюсь встать на четвереньки...

– Вырвать им сердца! – скомандовал управляющий Сапек, и толпа мертвецов с рёвом кинулась на людей. Но через три прыжка покойники вдруг замерли на месте в позах, достойных лучших актеров столичной пантомимы, и начали с шипением полосовать когтями воздух перед собой. Бесполезно, их словно не пускала невидимая стена.

По залитому лунным светом репяному полю со стороны кладбища брела Ниенна. Глаза её светились фиолетовым, вокруг расставленных в стороны рук водили хороводы сине-лиловые звезды.

– Не так быстро, упырь! – крикнула она. – Сначала попробуй одолеть меня!

– Но... как? – заорал Сапек, меняясь в лице. – Невозможно! Ты же без ссил, я всё про тебя узнал, я навел ссссправки!..

– Добровольная жертва способна на чудеса, – нехорошо усмехнулась Ниенна. – Но откуда тебе, негодяю, это знать? Ты берешь силой и нахрапом, своих родных убил бы за горстку золота, не то что чужих! Разогнал всех окрестных колдунов, чтобы под ногами не путались, кого убил, кого запугал... – Она щелкнула пальцами, и сияние вокруг ладоней вспыхнуло ещё ярче. – Но не учел, что эти пакости станут известны в столице и сюда придут уже твои коллеги, да?

– Ты не коллега! – издевательски захохотал некроман-

сер. – Ты – девчонка, едва окончившая первый курссс! Ты чуть не погибла в битве с эльфами!

– Но не погибла же, – спокойно ответила Ниенна. – А вот они проиграли. И тебя та же участь ждет.

Герда едва успела шевельнуться, как подруга уже стояла рядом, направляя ладони в сторону толпы мертвецов.

– Он парализовал остальных заклинанием, направленным на живых людей, – быстро зашептала она. – Но ты полукровка-валькирия, на тебе оно полноценно не сработало, а я служительница Смерти, мы и магически ощущаемся как наполовину живые. На нас вся надежда, слышишь? Помощь скоро придет...

Герда обладала огромным количеством достоинств. Но самым главным, вопреки мнению мужчин, была не выдающаяся во всех смыслах грудь, а умение в сложной ситуации не задавать лишних вопросов.

– Как добежим до него, ушки заткни, – ухмыльнулась она в ответ.

И адептки рванули вперед, надеясь успеть встать живым щитом между мертвецами и жителями деревни.

Ниенна снова щелкнула пальцами, и ушные раковины затянуло белесым туманом. А Герда вытянулась прямо напротив некромансера и завизжала ему в лицо. Да, разбавленная кровь славных дев-копыеносиц имела меньшую силу, но ведь умение-то никуда не делось! Сапека отбросило ударной волной в ряды полуистлевших покойников. Он влетел спиной

в кого-то особенно свежего, и тот лопнул, обдав господина зловонной жижей.

– Да я тебе, сссффука!.. – заорал он, судорожно кашляя и отплевываясь.

И упустил контроль над покойниками. Мертвецы тут же ринулись к нему, повинувшись воле Ниенны.

– Назад! – рывкнул Сапек. – Рвать людям сердца! Приказываю! Повинуйтесь моей воле!

– Герда, прикрой меня! – шепнула Ниенна.

И закипела битва, равных которой не видел этот край. Герда едва успевала взмахивать клинками, отрубая неупокоенным руки, ноги и головы. Правда, те не обращали на потерянные конечности никакого внимания, но и двигались без них менее проворно. Ниенна, стоя за её спиной, держала невидимую стену от мертвецов, не давая никому добраться до неподвижно лежащих друзей и жителей деревеньки.

– Ниенка, ты умертвила кого-то в качестве жертвы, что ли? – с трудом просипела Герда, отсекая башку особенно крупному и злобному мертвяку. – Откуда силища?

– Сама не знаю, – выдохнула та, очередным заклинанием сбивая Сапека с ног. – Видимо, нет, поскольку ожить и на помощь прийти обещался... Только как узнать, не соврал ли?

Герда оглянулась на лежащих людей и ахнула:

– Итить-колотить, подруга! Ты ВОТ ЭТО позвала на помощь?!

Одновременно с её воплем сзади раздались громкие сто-

ны и ругательства – заклинание некромансера, парализовавшее людей, спало. Замерла и вдруг осела на землю многочисленная армия мертвецов, только глазницы их зло светились болотными гнилушками. Взвыл не своим голосом управляющий Сапек.

Со стороны кладбища, едва касаясь земли, шли шестеро, чьи силуэты полыхали ярче молний в весеннюю грозу. Трава под их ногами не приминалась, зато молодые репки, словно живые, тянулись к ним длинными кучерявыми листиками.

– Не сбредал дед вчера, когда сорванцам сказки рассказывал, – тихо рассмеялась Герда, утирая пот со лба дрожащей рукой. – И впрямь три зверя и три человека... Но кто ж знал, что они реально существуют?

– Репяные хранители? Я сама думала, что они всего лишь представление древних людей о силах природы, когда пшеницы не было и сажали одни корнеплоды, – ошарашенно отозвалась подруга.

– Хорошо представление, особенно девка. У неё сиськи не меньше моих. Гляди, чтобы ей деревенские-то волосья потом из ревности не повыдирали.

– Не повыдирают, собственных богов треба уважать и почитать, и они прекрасно это знают. Нам всем повезло увидеть их собственными глазами, – Ниенна всхлипнула. – Нам даже деканы завидовать будут со штатными королевскими магами! Это же уникальное событие – явление мелких божеств народу!

– Да хоть бы помогли по-человечески. Я в них даже уверую и молиться стану, если понадобится. Репяные боги ничем не хуже обычных, с них и толку больше.

По полю шли шестеро. Впереди – дед Ероха, чуть поодаль – кругленькая беленькая старушка, которую он бережно вел за руку. По правую сторону – девчонка, крутобедрая и щекастая, с золотыми косами и ласковым взглядом. По левую – огромная собака, чья шерсть переливалась в лунном свете, как тот самый сундук с сокровищами, закопанный предком Репняных. На спине её сидели кошка и мышь.

Старость и молодость. Дружба и отвага, хитрость и воля. Незаметность и расторопность. И огромное, колоссальное трудолюбие. Вот столпы, на которых зиждется любое удачное дело.

Репки в земле, на которой вповалку лежали люди, засияли ярко-ярко, и мертвецы отшатнулись, жалобно воя и потирая глаза. А затем, как по команде, встали, развернулись и побрели в сторону кладбища.

– Не-е-ет! – взревел Сапек, и руки его полыхнули густо-фиолетовым. – Не бывать этому! Я возьму новую сффи-лу! Я прямо сфейчас...

Он ринулся вперед, вытянул из вяло шевелящейся людской толпы совсем крохотную девчушку – и пяти зим наверняка не стукнуло. Занес над ней нож, и Ниенна закричала, одновременно начиная плести заклинание, но уже понимая, что не успеет...

Не успела. Девчушка, живая и невредимая, упала на землю и заревела, а следом рухнул, как подкошенный, некромансер.

— Мало тебе, кровопивец! — сердито заявил стоящий за его спиной барич Ивор Репняной, опуская сучковатую палку. — Будешь знать, как срамных бесов на меня насылать, мышьим зельем батюшку травить и селян нашей родовой деревни обижать! Да чтоб тебе то золото в рот цельным сундуком насыпалось, а из задницы выпало, змей подколотный!

* * *

Густая тёплая ночь рассыпала над Щедрым Полем и его окрестностями пригоршни золотых звёзд. Давно дремали коровы в сараях, сонно квохтали куры на насестах, позёвывали сторожевые псы. Беда миновала, чуяли они, можно жить спокойно.

Лишь у людей сна не было ни в одном глазу. У Репняных в усадьбе нашёлся наполовину заряженный кристалл связи, через который Альбрехт вышел на декана боевого факультета Рейвана и сообщил, что задание магистра Удмертия выполнено.

Через три минуты во дворе прямо между поломанной телегой с сеном и колодой, на которой рубили дрова, раззявил алую пасть дальний портал главного корпуса жандармерии Ахенбурга. Суровые усатые мужики в чёрных мундирах заковали в заговоренные кандалы некромансера Сапека. Тот

с момента поражения держал рот на замке, не реагируя ни на чьи вопросы или угрозы. Лишь напоследок, перед самым переходом, обернулся к стоящей между боевиками Ниенне.

– Шштоп ты сссдохла до срока, сссфффука! – сердечно пожелал ей некромансер.

– Посвисти мне еще, суслик недоделанный, – зло оскалилась в ответ Герда.

Жандарм, не чинясь, двинул задержанному по шее, и тот моментально заткнулся.

Когда Сапека увели, один из городских глянул на адептов Академии:

– Вы с нами, ребята? Наверное, домой хотите?

Ниенна очень хотела в свою комнату с горячей ванной и белоснежным постельным бельем. Но Альбрехт посмотрел на деревенских, на расстроено надувших губы рыжих близняшек около бледного Эдгара, на почесывающих голодные животы парней из своей боевой тройки, на детишек, облепивших Бродди, – и покачал головой:

– Спасибо, офицер, мы сами доберемся. Тут местным помочь надо.

– Добро, – взгляд жандарма потеплел. – Берегите себя. Буду ходатайствовать о представлении вас всех к награде. Такого гада изловили, некоторые упыри грехов меньше имеют!

А дальше всё завертелось с бешеной скоростью. Не успели адепты оглянуться, как оказались на вчерашней площади перед домом старосты. Ещё через малое время обнаружили

у себя в руках чарки с пенной медовухой, которую щедро наливали прямо из бочки.

– За наше, сталбыть, здоровье и за славных спасителей, да наградит их Всеблагой Левий новыми силами для свершения подвигов! – торжественно провозгласил староста, поднимая огромный глиняный жбан.

Герда махнула чарку единым залпом – и тут же сурово сдвинула брови:

– Барич Репняной, вы же зарок дали – хмельного не употреблять, пока бесов не победите!

– Так я и не употребляю! – поспешил объяснить пришедший со всеми Ивор и показал полупустую чашу с молоком. – Мне легче стало апосля ваших пилюль, могу не только сладкое вкушать.

Он приблизился к боевикам и, понизив голос, попросил:

– Возьмите меня с собой, как в Ахенбург вертаться будете. Я хоть завтра с утра готов, уже и вещи собрал. И отец меня благословил: ему уже лучше, один какое-то время поживет, справится...

– Зачем? – насторожился Эдгар.

Ниенна едва не рассмеялась. Понимает, стервец, что срамные шутки могут ему выйти боком, как только Репняной доберется до нормальных целителей и расскажет о своём необычном недуге!

Но толстяк вдруг смутился и заговорил шепотом:

– Учиться желаю богоугодному делу, милсдари! Я, хоть и

грешник, да на путь искупления твердо встал и не сверну более. А раз отца-благодетеля у нас уже год, как оказалось, не имеется, то на него и выучусь в Академии богословия. Если уж упырь притворялся глухим и при этом справно службы нёс, чем же я хуже? Я хоть обманывать доверчивых людей не стану и честно молиться буду за всех – и за селян, и за вас, милсдари. И даже за хранителей наших! Раз они существуют и нам так помогли, отчего же об их благополучии не попросить?

– И впрямь, – согласился опешивший Эдгар. – А как же ваше... хм, пристрастие к женскому полу? Там ведь не получится, как вы привыкли. Жениться дадут один раз и на всю жизнь.

– А я и не хочу больше, – отмахнулся барич. – Как представляю, что на бабах тоже бесы срамные водятся, так, верите, нет, аж бежать от них охота вприпрыжку! Не хочу я больше такого позору, милсдари, вдруг и впрямь до короля дойдет?

– И то верно, – кивнул с видимым облегчением Эдгар. – Ну... тогда милости просим с нами! До столицы порталом вмиг домчим, моргнуть глазом не успеете!

Ивор Репняной просиял, словно ему пообещали драгоценный подарок, торопливо раскланялся, пожелал всем присутствующим славного вечера и убежал за околицу.

– Ох и злющий из него отец-благодетель выйдет, – фыркнула ему вслед Азали. – Зря ты его этими бесами напугал, он же день и ночь будет зудеть селянам насчет грехов плот-

ских и нечисти срамной, житья никому не даст. Из бывших грешников получают самые рьяные святоши.

– Посмотрим, – пожал плечами боевик. – В любом случае, я не намерен ждать, пока он просветлится и вернется домой окучивать мозги окружающим на предмет богоугодной и праведной жизни. И вообще, собираюсь этой ночью грешить, как последний сукин сын. Ибо бабы, как вчера верно подметил наш барич, есть отродья рогатых, а кто я такой, чтобы сопротивляться влиянию столь могучих созданий?

С этими словами Эдгар осушил чарку с медовухой и слегка шатающейся походкой побрел туда, где играла музыка. Рыженькие близняшки встретили его довольными возгласами и тут же потащили плясать.

– Это какая чарка по счету была? – фыркнула ему вслед Ниенна.

– Вроде пятая, – ответила Герда. – Пускай веселится, заслужил.

– Вы все заслужили, – высунулась из-за их спин черноволосая Агашка. – Выпейте, госпожа некромансерка, вам полегчает!

– Ещё успею, – отказалась Ниенна. – Мы тело деда Ерохи земле не предали, совсем забыла я про него. Неправильно это как-то, всё же не чужой человек...

– Кого? – удивилась девка и наморщила лоб, будто припоминая. – Не было у нас отродья такого деда. Есть только один Ероха в Щедром Поле, но тому семь зим недавно стук-

нуло, почитай, вся жизнь впереди.

– Но как же... – оторопела Ниенна и замерла, увидев насмешливый взгляд Герды. – Ну конечно же. Боги приложат все усилия, чтобы люди помнили лишь то, что им нужно.

– Пойдёмте плясать, госпожа, – уговаривала Агашка. – И глотните, репяными хранителями клянусь, хуже не будет!

– Ну, раз репяными... – и некромансерка протянула руку за чашей.

И лишь когда сладкая, пахнувшая медом жидкость сперва покатилась огнём в желудок, а затем ударила в голову, Ниенна вдруг вспомнила, что с утра ничего не ела...

Но было уже поздно. Мир вокруг резко замедлился, а потом вспыхнул разноцветными звездами. Они сплошным потоком падали с небес, оседали на испачканных рукавах её мантии, в волосах и на ресницах стоящих рядом девиц. Запутывались в траве, повисали драгоценными камнями на покосившихся дощатых заборах, на битых глиняных горшках, украшавших частокол. Водили хороводы вокруг пляшущего с рыжулями Эдгара и Бродди, что оставил полусонных детишек на попечение матерей и теперь вёл за руку в круг раскрасневшуюся и счастливую Азали.

«Какая она красивая! – от восторга у Ниенны перехватило горло. – Какие они оба красивые, как подходят друг другу!»

– Агаша, а можно мне снова налить?... – несмело шепнула она.

Еще одна вспышка пламени, сначала рухнувшая в живот,

а потом плеснувшая в грудь. Ниенну бросило в жар.

Как она раньше не замечала, насколько хорошо быть живой? Вечно бы стояла, разинув рот, и смотрела на то, какой дивный и прекрасный мир вокруг! На полыхающие факелы, пляшущие парочки, на хорошеньких до умопомрачения сельских девиц, надевших на головы своим избранникам венки – и когда только успели сплести?

Вот кто-то из них схватил её за руку и со смехом потащил к злополучному амбару, где воткнутые в землю факелы освещали толпу деревенских парней, окруживших стол и две колченогих табуретки. На одной из них сидела вострепанная и счастливая Герда.

– Следующий! – звонко выкрикнула она, закатывая рукава повыше. Напротив опустился вихрастый кряжистый парень, Ниенна смутно помнила, что это сын кузнеца.

Миг – и подруга утвердила локоть на стол, крепко-накрепко ухватилась за широченную мужскую ладонь. Взгляд глаза в глаза. Ехидная ухмылка. Меньше, чем через минуту рука кузнецова сына падает на дощатую столешницу.

– Одолела! – ахает толпа, как один человек.

Герда придвигает к себе чарку с медовухой, опрокидывает её в рот, утирает губы и задорно хохочет:

– Следующий! Ну, кто сможет одолеть валькирию-полукровку, победившую вместе с подругой шепелявого сморчка-некромансера?

Гул в толпе стихает. Видимо, парень был самым сильным

в деревне и соперников для Герды не осталось. И вдруг из темноты шагает высокая фигура.

– Я рискну, – усмехается вчерашний черноволосый косарь. – Зови меня Вячко.

Герда фыркает.

– Хочешь тоже опозориться перед девчонкой? – подначивает она.

– Нет, хочу плясать с тобой потом, как одолею, – серьезно отвечает косарь.

– Ладно, если одолеешь, пойду с тобой, – глаза Герды загорно сверкают в отблесках факелов, и Ниенна ахает – как же прекрасна её подруга! И как хорош черноволосый Вячко рядом с ней!

«Проиграй, проиграй!» – бьется у неё в груди.

Руки схватились над серединой стола, ноги крепко уперлись в землю. Минута – и валькирия стучается костяшками пальцев о столешницу.

– Ооооxxx! – единогласно проносится над толпой. Кажется, Ниенна тоже кричит от восторга.

– Вот же ж леший, – с досадой машет рукой Герда, но уговор есть уговор. Она дергает себя за ленту в толстой косище, и длинные светлые волосы водопадом окутывают плечи.

– Я хоть немного тебе по нраву? – вдруг смущается Вячко, но его шёпот из посторонних слышит лишь некромансерка.

– Конечно, – удивляется вопросу валькирия. И поясняет: – Ты же один тут меня одолел. Как ты можешь мне не

нравиться?

Бабах! – взрываются над головой разноцветные яркие шары, все вскрикивают, Ниенна машинально закрывает голову руками, но через миг радостно смеётся – это же салют! Она видит фигуры боевой тройки Альбрехта на площади в окружении кучи народа. Парни колдуют слаженно и размеренно, как в поединке, но цель чародейства в этот раз славная, подходящая и месту и времени.

Вввжух! – с шипением летит в небеса огненная комета и кружит, кружит, выписывая замысловатые кренделя, оставляя за собой сияющий след.

– Аааааа! – кричат от страха и восторга дети, у которых прямо перед носом взмывает ввысь стайка разноцветных драконов. Те прямо в полете начинают битву, заставляя малышню визжать ещё громче и скакать на месте.

Над Щедрым Полем и окрестностями с грохотом распускаются сказочные цветы, сияют драгоценные камни, машет здоровенным мечом огненный рыцарь, побивая крылатого змея. Деревенские смотрят в небо, открыв рты, и на их лица словно оседает волшебный звездопад.

Картинки мелькают перед глазами Ниенны всё быстрее. Вот зачарованные гармонь и гусли начинают играть сами, давая музыкантам отдых. Дрожат в воздухе, словно под чьи-то невидимыми пальцами, и над площадью перед домом старосты плывут задорные звуки плясовой.

Вот Эдгар в съехавшем на ухо венке из одуванчиков кру-

тит ладонями, сосредоточенно закусив нижнюю губу, и в руках его вдруг оказывается огромная охапка белых роз, подобных тем, что растут в садах самого короля. Чародей с видом фокусника раздает цветы обступившим его девкам. Кто-то из молоденьких селянок больше не может сдержать эмоций и плачет от облегчения и радости – поганый некромансер пойман, никто больше не будет поливать землю кровью красавиц, жестоко вырывая им сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.